

Валерий Ковалев

В закрытом гарнизоне

морские рассказы

Валерий Ковалев

В закрытом гарнизоне

«Издательские решения»

Ковалев В. Н.

В закрытом гарнизоне / В. Н. Ковалев — «Издательские решения»,

Рассказы о службе моряков-подводников Краснознаменного Северного флота. В дальних плаваниях и на берегу. Серьезные. И с долей юмора.

© Ковалев В. Н.

© Издательские решения

Содержание

Маленькие солнца	6
Последний берег	10
Верхняя вахта	13
Венок на воде	17
Метель	19
Мадонна	24
Рубль на счастье	27
Помывка	30
На бачке	35
Патруль	37
Чито – вгрито	41
Сауна с телефоном	44
Некоторые особенности воспитания в ВМФ	46
Встреча	50
Собачий марш	53
Правдоруб	56
Картина Репина «Приплыли»	59
За невестой	61
Парни с «Хиросимы»	67
И съели Кука	71
Дорога на Вьюжный	74
Вечерний звон	79
Конец ознакомительного фрагмента.	81

В закрытом гарнизоне
Морские рассказы
Валерий Николаевич Ковалев

© Валерий Николаевич Ковалев, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Маленькие солнца

Завершив очередной этап испытаний, наш подводный крейсер неспешно бродит переменными галсами в заданном квадрате Белого моря. Размеренно гудят турбины, в отсеках боевая готовность «два», команда чувствует себя умиротворенно.

Это все до подхода сюда эсминца, на котором мы будем отрабатывать выход в торпедную атаку. Эсминца пока не наблюдается и на борту, как говорят, благодать.

Одна боевая смена несет вахту, остальные занимаются «по интересам».

А интересы у нас разносторонние, вроде «забывания морского козла» в старшинской кают-компании, читка разного рода потрепанных и непременно с картинками журналов, слушание магнитофона и бречанье на гитаре в каютах, а также отработка различных нарядов, которых всегда вволю на военном корабле.

Время от времени, испросив разрешения у сидящих в центральном отцов-командиров, мы небольшими группами карабкаемся наверх по вертикальному трапу шахты входного люка, дышим в полумраке рубки дешевыми сигаретами и сквозь проемы выдвижных устройств и рубочные иллюминаторы любуемся красотой мироздания.

А любоваться есть чем.

В наших широтах начало лета, всюду буйствует полярный день, и море отсвечивает ультрамарином до самого горизонта. Купол неба небывало высок, в нем неугасимо светит солнце, и величаво парят белоснежные чайки.

– Красиво, – досасывая бычок и пялясь в иллюминатор, бормочет Славка Гордеев.

– Ага, – задумчиво пускает вверх кольца дыма Серега Свеженцев. – Как у этого, как его, Репина.

– Может у Айвазовского? Репин моря не рисовал, – значительно изрекает Славка и презрительно косится на приятеля.

– Может и так, – цикает слюной в стоящий рядом обрез Серега. – Мы того, институтов не кончали.

В свое время Славка учился в университете, откуда был изгнан за разгильдяйство и отцом – полковником ВВС, определен на флот для перевоспитания.

– Да пошел ты, – обижено шипит Славка и разговор прерывается.

По решетчатому настилу мостика, который нам виден снизу, неспешно ступают яловые сапоги вахтенного офицера, изредка слышны подаваемые рулевому команды и щелчки манипуляторов управления.

На руле стоит наш приятель старший рулевой-сигнальщик Серега Алешин, и мы ему завидуем.

Одно дело в такую чудесную погоду маяться на боевом посту в отсеке и совсем другое стоять на залитом солнцем мостике.

Впрочем, когда мы попадаем в надводном положении в шторм, это чувство сразу же пропадает.

Докулив сигареты и в последний раз обзрев окружающее великолепие, мы с неохотой подходим к входному люку, поочередно шагаем в него и, обхватив ладонями и стопами ног скользкие поручни, чертом скользим вниз.

Затем, чтобы не привлекать внимания сидящих в центральном посту (могут озадачить) неслышно рысим к квадратному, с хромированным ограждением люку в палубе, быстро спускаемся еще на один уровень, и каждый следует по своим делам.

Лично я, в свой торпедный отсек, где просторно, на досуге можно потягать гирию и о чем-нибудь потрепаться со стоящим на вахте Саней Порубовым. Он хотя и мичман, но не намного старше, и у нас почти товарищеские отношения.

Однако потрепаться не светит.

Как только я отдраиваю переборочный люк первого, сонную тишину отсеков взрывают колокола громкого боя и по кораблю объявляется боевая тревога.

– Наверное, эсминец подошел, – сбрасывает ноги с направляющей балки торпедного стеллажа сидящий в кресле Саня, а я ныряю под нее и лезу на свой борт.

Спустя минуту, в палубном люке возникает курчавая голова в пилотке, и к нам присоединяется старшина команды Олег Ксенженко.

Последним, в неизменно бодром настроении, в отсеке появляется наш командир боевой части капитан-лейтенант Мыльников, плюхается в освобожденное Порубовым кресло и тянется рукой к тумблеру «каштана».

– Первый к бою готов! – следует бодрый доклад в центральный.

– Есть первый! – мигает красный глазок, и Сергей Ильич удовлетворенно крикает.

– Никак эсминец подошел? – интересуется сидящий за стрельбовым пультом Ксенженко, и мы вопросительно пялимся на командира.

– Да нет, хрень какая-то летает вокруг лодки, – не сразу отвечает он, потом выщелкивает из штатива трубку и набирает короткий номер

Из его последующего разговора с кем-то из офицеров становится ясно, что вахтой наверху, над кораблем в небе наблюдаются две необычных цели.

– Угу, угу, – кивая лобастой головой, ерзает в кресле «бычок». – Понял.

Затем он озадачено вщелкивает трубку в держатель и некоторое время молчит.

– Так че там, а товарищ капитан-лейтенант? – снова басит Олег. – Самолеты?

– Если бы, – озадачено чешет затылок Мыльников. – Какие-то светящиеся шары, облетают лодку

– Ни хрена себе, – переглядываемся мы. – Так может это по плану испытаний?

– Нет, – следует ответ. – Наверх вызван боевой расчет с ПЗРК.

Два переносных зенитных ракетных комплекса «Стрела-2» с месяц назад загружены на борт для обороны корабля от низколетящих целей и вот теперь один наверху. Интересно.

В томительном ожидании проходит час, в течение которого мы в очередной раз проверяем лежащую на стеллаже практическую торпеду и ждем, чем все это закончится.

Ожидание завершается отбоем тревоги, вахта заступает по – походному и Сергей Ильич, выдав нам необходимые распоряжения, отправляется в центральный.

А спустя некоторое время по кораблю разносится известие, что наверху две шаровые молнии.

Что это такое мы представляем смутно и строим самые различные предположения.

Наиболее убедительное высказывает Олег. Он заочно учится в Ленинградском госуниверситете, в свободное время много читает и не уступает в эрудиции офицерам.

– Согласно одной из гипотез, шаровая молния это сгусток плазмы – многозначительно изрекает он. – В котором огромное количество энергии. Природа шаровой молнии неизвестна. Такие вот дела.

– А она того, не опасная? – покосившись на отсечный подволок, внешне безразлично интересуется Саня.

Я тоже пялюсь вверх и пытаюсь представить эту самую молнию. Воображения не хватает.

– Да как сказать? – пожимает широкими плечами Ксенженко. – В практике отмечались случаи, когда натываясь на какое – либо препятствие, молния взрывалась, и имелись серьезные разрушения. А порой она проходила сквозь них и ничего.

– А через наш прочный корпус может?

– Хрен его знает, думаю вполне.

Некоторое время мы молчим, переваривая услышанное, а потом Олег встает и направляется к палубному люку.

– Пойду к ракетчикам, – говорит он нам. – Те точно чего-нибудь, да знают.

Минут через пять, покинув заступившего на вахту Порубова, я тоже спускаюсь вниз и направляюсь в сторону кормы, пообщаться с ребятами.

Когда сидя в старшинской кают-компании мы живо обсуждаем непонятное нам явление, там появляется один из ракетчиков – Серега Осмачко.

– Ну, как там, наверху? – слышится сразу несколько голосов и все пялятся в его сторону.

– Как – как, – недовольно брюзжит взмыленный Серега. – Херня какая-то вокруг лодки летает. – Дайте попить, еле дотащил этот гребаную «Стрелу».

Сереге вручают эмалированную кружку с компотом из сухофруктов, и он жадно его лакает.

– Ну, рассказывай, – окружаем мы ракетчика.

– А чего рассказывать? – шмякает он ее на стол. – Вызвали нас с Федькой в центральный, сунули в руки ПЗРК и приказали тащить его наверх. Вылазим мы значит на мостик, а там командир со старпомом и наш «бычок». Наблюдают что-то в бинокли. Смотрим, сзади в небе пара светящихся шаров летает.

– ?!

– Ну да, летают и светятся курвы.

Бычок оборачивается, «приготовить ПЗРК к стрельбе!».

Приготовили, стоим, варежки разинули. А они хоть бы хны. Летают.

– Ну! – наваливаются на Серегу слушатели.

– Гну, – сопит тот. – Полчаса так стояли, а потом снизу поднялся начальник РТС* и сунул «кэпу» какую-то бумажку. Тот прочел и приказал нам тащить трубу вниз.

– Жалко, – разочаровано протянул кто-то. – Надо было того, шмальнуть.

– Хорошо бы, – соглашается Серега. – Для полноты ощущений.

Потом на переборке щелкает «каштан», и голос вахтенного офицера объявляет, что личному составу разрешен выход наверх.

Кают-компания пустеет, и все рысят в сторону центрального, побыстрее увидеть таинственные шары.

Но не тут-то было. Выход наверх разрешают только по трое.

– И что б мне там было тихо, – внушительно озирает любопытных помощник командира.

– Пять минут поглядели и вниз. Ясно?

– Точно так, ясно – вякаем мы, первая тройка поочередно исчезает в люке, а остальные изгоняются на среднюю палубу.

Томительно тянутся минуты и все нервничают – а вдруг улетят, и мы ничего не увидим?

Наконец появляются воняющие табаком счастливы, и мы спрашиваем, – ну как?

– Летают мля, – восхищенно пучит глаза Димка Улямаем. – Оранжевые такие, вроде маленьких солнц..

– Ага, летают, – подтверждает Витька Печенкин. – И вроде как живые.

– Живые?! – ошарашено переглядываемся мы и нетерпеливо сучим ногами.

– Следующие пошли! – доносится сверху, и мы с Сергеем Антоненко и Славкой Гордеевым звеним вверх по крутому трапу.

Потом десять метров вертикальной шахты, полумрак рубки со льющими сверху золотистыми лучами и мы принимаем к плексигласу иллюминаторов.

– Где, где они, ты видишь? – сопит у меня над ухом Славка.

Впереди бескрайняя синь моря,верху небо, с плывущими по нему перистыми облаками и больше ничего.

– Да вон же они, вон! – громко шепчет глазастый Серега, и мы бросаемся к нему.

Слева по борту, метрах в трехстах, в небе, в сторону кормы, плывут два пульсирующих, ярко – оранжевых шара. Они действительно чем-то похожи на солнце, только маленькие.

– Удаление четыреста метров, – доносится с мостика чей-то голос, и мы до боли выворачиваем шеи.

Через несколько секунд таинственная пара исчезает из поля зрения, и перед глазами только небо.

– Фантастика, – восхищенно тянет Славка, а мы с Серегой с тоской взираем на мостик. Нам бы туда, да кто пустит!

Увиденное вызывает острое желание закурить, что мы и делаем.

– Так, время вышло! – возникает в проеме мостика лицо боцмана и, напиваясь на ходу дымом, мы шаркаем тапочками в сторону люка.

– Ну, как, видели? – встречают нас внизу страждущие.

– Видели, – киваем мы. И расходимся по отсекам.

Спустя несколько часов, за вечерним чаем, макая сушки в блюдца с медом и прихлебывая из горячих кружек, мы обсуждаем увиденное и дивимся непознаваемости мира.

Что это было? Почему, откуда и зачем?

Последний берег

Пронзительно взыв сиреной, белоснежная «Комета» плавно подошла к причалу, стоящие на ее носу и корме матросы ловко набросили на кнехты капроновые концы, затем был подан трап, и с судна, оживленно переговариваясь, сошла группа военных моряков.

Парни были облачены в форму «три» первого срока, многие со старшинскими лычками, и все с чемоданами в руках.

На флоте шла очередная демобилизация.

Спустя некоторое время, уволенные в запас, широко шагая и паруся клешами, черносиней группой подошли к зданию железнодорожного вокзала, увенчанному куполом со шпилем, составили чемоданы у стены и дружно задымили сигаретами.

– Непривычно как-то, кореша, – с интересом оглядываясь по сторонам, сдвинул на затылок щегольскую, с длинными муаровыми лентами и тисненой золотом надписью «Северный флот» бескозырку, здоровенный главный старшина с рыжим чубом.

– Ага, отвыкли мы от гражданки, – поддержал его стоящий рядом уса́тый крепыш с гитарой, провожая взглядом двух длинноногих девчонок, проходящих рядом. – Гляди, братва, какие цыпы!

– Цыпы че надо, – сразу же отозвались несколько голосов, и вся группа приосанилась.

– Так может того, отметим последний сход на берег? – хлопнул себя по шее тыльной стороной ладони похожий на Паганеля старший матрос. – Как – никак, три года оттабанили.

Остальные весело согласились, подхватили свои чемоданы, и вся группа направилась в здание вокзала.

В это погожее майское утро он был еще немногочисленным, матросские каблуки звонко цокали по бетонному полу, нарушая сон прикорнувших в зале ожидания пассажиров.

Однако уже открывшийся буфет огорчил парней отсутствием в нем чего-либо горячительного, станционный ресторан был закрыт, и недовольно брюзжа, группа направилась к выходу.

– Ну, так че? – снова пробубнил Паганель, когда все вышли из-под сводов вокзала и стали ози́раться окрестности. – Может сдадим шматье в камеру хранения и рванем в город? До поезда еще целых три часа.

– Лично я пас, – чуть подумав, заявил главстаршина. – Тем более, что в Мурманске бывал. Большая казарма.

– Точно, – поддержали его несколько голосов. – К тому же там сейчас патрулей, как собак нерезаных.

– А у м-меня прет-тложение, – сказал блондинистый старшина 1 статьи. – Айт-та вон тут-та, – кивнул он в сторону привокзального сквера. – Там посидим на сол-лнышке, а пару р-репят отправим в гор-рот, пускай чего-н-нибудь прит-таранят.

– Во-во, Айво, точно! – радостно оживились остальные, и вся группа целеустремленно зашагала к скверу.

Там моряки облюбовали одну из скамеек, в их руках зашелестели полученные при увольнении новенькие рубли и трешки, и вскоре два добровольца, прихватив с собой пустой «сидор», шустро зарысили к расположенной рядом с вокзалом автобусной остановке.

– Ну, а мы пока музычку послушаем, – щелкнул кнопкой портативного «Дельфина» один из моряков, и с ближайшего дерева сорвалась стайка воробьев.

Ой, где был я вчера – не найду, хоть убей!

Только помню, что стены – с обоями,

Помню – Клавка была, и подруга при ей, —

Целовался на кухне с обоими!

хрипло заорал всенародно любимый бард, и всем стало весело.

– Вот и я так, – мечтательно прищурил глаза хозяин магнитофона. – Приеду к себе в Иваново, неделю гулять буду. Тем более что девчат у нас море.

– Поскольку тема интересная, завязывается оживленный треп, и все радостно гогочут.

В самый его разгар в дальнем конце сквера появляются три фигуры и, шагая в ногу, направляются в их сторону.

– А вот и патруль, – метко цикает слюной в урну Паганель, и все головы поворачиваются в ту сторону.

– Может пригласить их с нами бухнуть? – задумчиво гудит главный старшина. – На прощание, так сказать.

– Го-го-го! Га-га-га! – весело заржали остальные. – С патрулями? На прощание? Здорово!

Тем не менее, когда сухопутный капитан и сопровождающие его два сержанта подходят к скамейке, все встают и изображают строевую стойку.

– Так, кто тут у вас старший? – ответив на приветствие, оглядел группу капитан.

– А у нас теперь того, старших нету, – задорно вякнул владелец «Дельфина». – Мы, товарищ капитан, уволены в запас.

– Ясно, – последовал ответ. – Документы.

Моряки полезли в карманы клешей, и офицер просмотрел военные билеты.

– Ну что же, документы в порядке, – констатировал он, поочередно возвращая их парням.

– Во сколько поезд?

– В 11.30. Едем до Ленинграда.

– Ну что же, доброго вам пути, – кивнул начальник патруля. – Только не вздумайте поддать. Понятно?

– Как можно? – раздалось сразу же несколько голосов. – Обижаете, товарищ капитан!

– Вас обидишь, – хмыкнул офицер, и вся тройка последовала дальше.

Ой, где был я вчера – не найду днем с огнем!

Только помню, что стены – с обоями,

И осталось лицо – и побои на нем,

Ну куда теперь выйти с побоями!

прохрипел очередной куплет бард, все, снова уселись на скамейку и продолжили столь интересную тему.

А спустя полчаса из города на очередном автобусе подъехали довольные «гонцы», с изрядно располневшим «сидором», в расположенном неподалеку киоске моряки купили два пакета горячих чебуреков, и зажатые в их руках бутылки, глухо звякнули друг о друга.

– Ну че, айда на вокзал? – предложил усатый крепыш, когда вино было выпито а чебуреки съедены. – Людей посмотрим, себя покажем.

– Айда, – заухмылялись парни. – Хорошо все-таки на гражданке!

Вокзал встретил их многолюдьем, гнусавым лаем репродуктора, сообщавшим о прибытии очередного поезда и бестолковой суетой пассажиров.

– Да, братва, – критически оглядел людской муравейник главный старшина. – Никакого порядка. И строем никто не ходит.

Между тем военных кругом значительно прибавилось.

В разных местах, блестя золотом нашивков, шевронов и жетонами за воинские отличия, с независимым видом стояли группы увольняемых в запас.

Кого тут только не было.

Рядовые, ефрейторы и сержанты с черными, голубыми и красными погонами, пограничники в зеленых фуражках и со здоровенной овчаркой в наморднике, моряки в широченных клешах и сдвинутых на затылок бескозырках. Между ними неспешно дефилировали многочисленные патрули, время от времени в толпе возникали милицейские наряды, а у торцевой стены вокзала стоял укрытый тентом военный грузовик, в кузове которого скучал взвод десантников.

– Солидно, однако, нас провожают, – значительно изрек Паганель. – Ну да ничего, в поезде повеселимся.

Внезапно на перроне возник какой-то шум, крики, и сопящий патруль проволок в сторону двери с табличкой «военный комендант», двух упирающихся, похожих на елочные игрушки солдат.

...врагу не сдается наш гордый «Варяг»!
Па-ащады, никто не желает!!

пьяно орали те и пытались вырваться.

– М-да, – переглянулись моряки. – Эти уже приехали.

– Поезд Мурманск – Ленинград подается на первый перрон! Нумерация вагонов с головы состава! – металлически пробубнили репродукторы.

Вслед за этим в дальнем переплетении блестящих рельс возник зеленый локомотив, за ним длинная змея вагонов, все это плавно вкатило на перрон и, лязгнув сцепками, остановилось.

– Ну что, братва? – Карета подана, айда на погрузку, – первым взял свой чемодан главный старшина, и вся компания широко зашагала в голову состава.

– Трет-тий? – поинтересовался у стоящей перед открытой дверью одного из вагонов молоденькой проводницы Айво.

– Третий, – улыбнулась та. – Ой, сколько вас много!

– И все холостые, – подмигнул девушке крепыш с гитарой. – Меня, кстати, зовут Вова.

– А его жену, Света, – наклонился к проводнице Паганель, и все весело заржали.

Спустя минуту моряки дружно затопали по светлому линолеуму вагона и по – хозяйски разместились в двух средних плацкартах.

– Да, давненько я не ездил в поездах, – усевшись у окна, раздернул закрывавшую его шторку главный старшина. – А кубрик ничего, как у нас на «коробке»*.

Вскоре вагон наполнился многочисленными отъезжающими, проводница прошла по проходу и выпроводила провожающих, затем впереди пропел гудок, и по составу прокатился лязг сцепок.

В то же самое мгновение из вокзальных репродукторов грянул «Марш славянки», за окнами медленно, а потом, все убыстряясь, поплыл перрон.

– Ну, вот и все, – вздохнул кто-то из парней. – Поехали.

Спустя непродолжительное время, гремя колесами на стрелках, поезд вынесся на окраину, и сбоку, сливаясь с туманным горизонтом, возникла часть залитого солнцем Кольского залива.

– Прощай Флот! – заорали прильнув к открытым окнам моряки и замахали бескозырками.

– Прощай..!

Им в лица бил ветер. Соленый и почему-то влажный.

Верхняя вахта

– Третьей смене верхневахтенных приготовиться к заступлению! – пробубнил по лодке голос из «каштана».

Сладко зевнув, матрос-первогодок Витька Печенкин сбросил с себя дрему, которая навалилась на него после ужина, открыл дверцу платяного шкафчика и, что-то недовольно бурча под нос, стал облачаться в необходимые атрибуты.

Для начала он натянул поверх синего «РБ»* стеганые ватные брюки и водолазный свитер, затем шерстяные носки и, обернув ступню каждой ноги пошарканной в руках газетой «На страже Заполярья», кряхтя обул морские яловые сапоги с медным подбоям.

Потом несколько раз притопнул ими по линолеуму палубы, удовлетворенно крякнул и напялил на себя мягкую, пахнущую овчиной хромовую канадку, а на стриженую под ноль башку черную, с рубиновой звездочкой, матросскую шапку.

После этого Витька с завистью взглянул наверх, где за задвинутой шторкой, на своей койке сладко посапывал его сменщик и, вздохнув, откатил в сторону дверь каюты.

Четыре часа верхней вахты его не радовали, но что делать, такова участь всякого молодого, или как говорят, «карася», на Северном флоте.

Согласно неписанному закону, всякий прибывающий из учебного отряда матрос, в течение максимально короткого времени обязан сдать экзамен на самоуправление боевым постом, после чего он становится полноправным членом экипажа и получает свои законные «морские»*.

До этого же молодого жучат и в хвост и в гриву, используя как дармовую тягловую силу, гоняют в различные береговые наряды, а для осознания своей никчемности всенепременно ставят на верхнюю вахту.

Налицо не дающая осечек военная аксиома: не можешь – научим, не хочешь – заставим.

Миновав ряд отсеков, похожий в своих одежках на пингвина, Печенкин задраил за собой очередной люк и, сопя, стал подниматься по наклонному трапу в центральный пост.

За то время, которое он находился на корабле, Витька немного пообвык в его бесконечных лабиринтах до предела насыщенных плодами технического прогресса, но центральный пост, бывший сосредоточением всего, внушал ему едва ли не священный трепет.

В период нахождения в учебном отряде, в числе других курсантов, Печенкину доводилось бывать на подводных лодках базирующейся рядом бригады, где их знакомили с устройством субмарин.

Но то были корабли второго поколения – с дизельными энергетическими установками, ограниченной дальностью плавания и временем нахождения под водой.

Крейсер же, на который попал служить Витька относился к последнему, имел ядерную силовую установку, был вооружен шестнадцатью межконтинентальными баллистическими ракетами и мог оперировать в любой точке Мирового океана.

– Прошу разрешения в центральный! – слотнув слюну, осторожно ступил Печенкин на матово блестящий линолеум и в очередной раз удивился тому, что увидел.

Вокруг, в легком полумраке, холодно сияли всевозможные экраны, пульта и приборы, отсвечивали хром и бронза многочисленных вентилей, маховиков и манипуляторов, змеились хитросплетения кабельных трасс и трубопроводов, а в самых разных местах таинственно мерцали сигнальные лампочки и мнемосхемы.

– Попробуй, – благодушно кивнул черной пилоткой сидящий в командирском кресле дежурный по кораблю с повязкой «РЦЫ» на рукаве куртки, а листающий какой-то формуляр помощник с интересом уставился на матроса.

– Ну, Печенкин, когда сдашь на самоуправление? – закинув ногу на ногу, поинтересовался дежурный, покачивая носком хромового ботинка. – Или так и будешь припухать у трапа? – ткнул пальцем вверх.

– Не, – застенчиво потупился Витька и шмыгнул носом.

– Чего «не»?

– Скоро сдам, остались только корабельные системы.

– Ну-ну, – последовал лаконичный ответ, и дежурный сделал знак помощнику.

Тот подошел к расположенному за одним из пультов металлическому сейфу, зазвенел связкой ключей в замке, потянул на себя дверку и внутри масляно замерцали стволы десятка АКМС*.

– На, – извлек из пирамиды мичман крайний и вместе с заряженным магазином протянул его матросу.

Тот молча принял оружие, вщелкнул магазин в приемник, после чего клацнул предохранителем и, нацепив автомат на шею, доложил о готовности к заступлению.

– Значится так, – сдвинул брови капитан-лейтенант. – Вахту нести бдительно, при нападении смело отражать неприятеля и оборонять наш подводный крейсер. Все понятно? – и сделал зверскую рожу.

– Точно так! – выпучил глаза Печенкин. – Понятно!

– Давай, Лебедев, меняй пост, – приказал дежурный помощнику и тот, кивнув, Печенкину, первым взялся за поручни ведущей наверх шахты.

Наверху их встретил собачий холод, россыпи звезд, мерцающих над застывшим заливом и опущенный инеем вахтенный, пританцовывающий на пирсе, рядом с трапом.

– Ну, как тут Мингажев, не жарко? – заботливо поинтересовался мичман, с удовольствием вдыхая морозный воздух.

– Н-нет, – клацая зубами, ответил тот и поддернул ствол заиндеветшего автомата. – Замерз как собака, таварищ мичман.

После этого состоялась короткая церемония смены вахты, мичман, с деревянно шагающим за ним Мингажевым споро исчезли в рубке, и Витька остался у трапа один.

Для начала он набросил на голову капюшон, смел рукавицей с висящего на леерной стойки «каштана» снежную порошу и метко цыкнул слюной в ближайший кнехт, с заведенным на него носовым швартовым.

Потом внимательно окинул взглядом уже ставшую привычной панораму базы, с застывшими у пирсов заснеженными ракетноносцами, парящей штабной плавказармой и неясно мерцающими вдали огоньками казарменного городка, и, насвистывая, двинулся по пирсу вдоль длинной горбатой туши, пришвартованного к нему корабля.

Напротив, тускло отсвечивая стояночными огнями, стоял такой же, у трапа которого тоже прохаживался вахтенный.

– Привет! – помахал парню рукой Печенкин, и тот ответно поднял свою.

Дойдя до конца пирса, с закрепленными на нем щитами электропитания и тянущимися от них в корпус кабельными трассами, Витька попинал ногой туго натянутый кормовой швартов и с чувством выполненного долга заскрипел сапогами обратно.

– Эй, корешок, у тебя закурить есть? – простужено пробубнил вахтенный соседней лодки, когда Печенкин снова вернулся к трапу.

– Есть, – кивнул он капюшоном, стащил зубами кожаную рукавицу и извлек из-за пазухи мятую пачку «Примы».

Курить на вахте запрещалось, но, как говорят, запретный плод всегда сладок и через минуту, пряча огоньки сигарет в рукавах, бдительные стражи предались вредной привычке.

После этого они немного потравили о службе, новый Витькин знакомец угостил его черным сухарем и парни разошлись каждый к своему трапу.

Между тем сумерки над базой все сгущались, тянущиеся по бетонке вдоль берега фонари стали гореть ярче, и в погоде наметились изменения.

Спустя несколько минут, откуда-то со стороны моря налетел шквальный порыв ветра, с неба повалил густой снег и все закружилось в бешеной круговерти.

Это было одно из тех явлений природы, которыми так богат Север, и на местном сленге оно именовалось «заряд».

В вое ветра и сплошной снежной завесе скрылось все окружающее и, цепляясь руками за обледенелые леера трапа, отвернув от секущей крупы лицо и хватая ртом разреженный воздух, Печенкин перебрался по нему на узкий обвод лодки, где укрылся под нависающим сверху громадным пером рубочного руля.

Здесь, под защитой высоко вздымающейся в нескольких метрах сзади ракетной палубы было несколько тише, и, прислонившись спиной к настывшему металлу рубки, Витька стал пережидать беснующуюся пургу.

Заряд прекратился так же неожиданно, как и начался.

Последние порывы ветра с воем унеслись в тундру, снежная завеса рассеялась и кругом снова установилась тишина.

В ней резче проявились ночные тени и абрисы заснеженных ракетноносцев, первозданно чистая даль залива и фантастическое нагромождение опоясывающих его скал.

Касавшееся их небо вдруг стало высоким, потом высветлилось, и по нему весело заплясало северное сияние.

Непрерывно меняясь и чуть слышно потрескивая, оно то висело в воздухе фантастическими гирляндами, то вдруг превращалось в подобие фейерверков, то катилось по небу волшебным колесом.

– Это ж надо, – восхищенно шептал Витька, высоко задрав голову и хлопая заиндевелыми ресницами. – Как в сказке...

– Эй, Витек, ну как тебе это чудо! – радостно заорал вахтенный с соседней лодки.

– Красотища! – в свою очередь заорал Витька, продолжая созерцать небесный праздник.

Спустя некоторое время нерукотворные краски стали меркнуть и удаляться за горизонт, потом они превратились в едва заметную игру света и погасли.

– М-да, жалко, – с сожалением пробормотал Витька. Ему хотелось смотреть в небо еще и еще.

– Ну да ничего, – потер он рукавицей замерзший нос. – Впереди у меня еще целых две зимы.

После этого Витька стянул с головы заснеженный капюшон, отряхнул рукавицей такие же штаны и, повертев уставшей от автомата шеей, сошел по сколкому трапу на пирс.

– Гав! – внезапно раздалось со стороны КДП* и оттуда, по наклонной аппарели в его сторону, понеслись две неясных тени.

– ЗдорОво, Бой! – отводя лицо от морды радостно бросившего на его плечи лапы сенбернара, – весело рассмеялся Витька. – Да ты никак с подругой?

– Гав! – ответил тот и, опустивший наземь, согласно завилял хвостом.

Прибежавшая с ним молодая лайка вкусно обюхала Витькины сапоги и сделала то же самое.

– Понял, – сказал Витька, – стянул зубами рукавицу, извлек из кармана канадки два куса сахару и поочередно попотчевал им гостей.

Те с достоинством захрустели и стали пускать слюни.

– Ну, как, вкусно? – потрепал Витька за мощную холку сенбернара.

– У-у, – довольно пропел горлом Бой, а его подруга облизнулась и выжидательно уставилась на матроса.

– Все, больше нету, – развел тот руками.

После этого гости поочередно лизнули ему рукавицу и, дружелюбно помахивая хвостами, с достоинством направились ко второму вахтенному.

Та все повторилось, после чего визит закончился и, весело играя, лохматая пара умчалась в тишину ночи.

А она набирала обороты.

Мороз крепчал, и небо украсилось сонмом звезд, ледовый припай вокруг лодки незримо увеличивался, и натягивал швартовы, на которых вырастал пушистый иней.

Витька снова натянул на голову капюшон, поддернул до предела замок канадки и, припопывая сапогами, стал прохаживаться вдоль пирса.

Спустя некоторое время они с Лешкой (так звали соседа) снова подымили в морозном воздухе, лениво перебросились парой фраз и продолжили ночное бдение.

Когда вахта перевалила на вторую половину, ноги у Витьки изрядно настыли, шея и плечи онемели от тяжести автомата, а на едва проклюнувшихся усах закуржавился иней.

– Колотун, бля, – едва ворочая губами бормотнул он, и стал приплясывать на месте.

Минут через пять стало чуть теплее и, наращивая успех, Печенкин заорал матерную песню

Три дня не утихая, бушует океан,
Как хрен в штанах болтается,
Кораблик по волнам!

сипло тянул он, и представлял то, что пел.

– А ну, Витек, давай еще! – донесся от соседней лодки голос Лешки.

– Даю! – утер нос Витька и с воодушевлением продолжил:

В каюте класса первого,
Садко желанный гость,
Гондоны рвет на черепе,
Вбивает жопой гвоздь!

– Это ж надо, душевная какая песня, – проскрипел валенками Лешка к Витьке, когда тот закончил последний куплет. – Перепишешь?

– Можно, – с достоинством качнул тот головой. – После смены.

А ночь снова изменилась.

Теперь с моря прилетел влажный ветер, по небу поплыли облака, и по канадкам моряков забарабанил ледяной дождь

– Не иначе к утру к утру будет оттепель, – утирая мокрое лицо, сказал Лешка.

– Хорошо бы, – кивнул Витька, и они стали слушать, как звенит пирс.

До конца вахты оставался ровно час.

Примечания:

«РБ» – одежда радиационной безопасности на АПЛ (жарг.)

КДП – контрольно-дозиметрический пункт.

Венок на воде

В широкие зеркальные окна учебного цикла главного корпуса «Пентагона»*, выходящие на бескрайнюю даль пролива, льется мягкий свет вечернего заката.

Закончились очередные занятия по изучению нового ракетного крейсера, который ждет нас на стапелях в Северодвинске.

Цикл пуст и только мы со Славкой Гордеевым, оставленные в нем для уборки, завершив работу, сидим на широком подоконнике одного из окон.

Накануне отгремел День Флота и после обычного в таких случаях парада, экипажи водили на расположенную на берегу шлюпбазу, откуда мы наблюдали за возложением венка на месте гибели подводной лодки.

Туда из Таллина подошел окрашенный в шаровый цвет эсминец, и под бравурные звуки оркестра, на установленный на мертвом якоре буй, был торжественно возложен венок живых цветов.

Потом эсминец, взревев сиреной и заложив крутую циркуляцию ушел в базу, в заливе состоялись шлюпочные гонки и все вернулись в учебный центр.

– Да, – после долгого молчания сказал Славка, глядя в сторону в последний раз луча солнца далекую точку на фарватере, – вот так взять и погибнуть в какой-то миле от берега.

Я ничего не ответил, и мы снова замолчали.

...Выполнив очередную задачу предподходовой отработки, дизельная подлодка «М-200», находясь в надводном положении, следовала по Суурупскому проливу в свою базу Палдиски.

Накануне на лодке был сменен командир – новым стал капитан 3-его ранга Шуманин, ранее служивший на лодках серии «Щ» и «С», но не имевший навыков управления «малюткой». Обеспечивающим офицером на борту находился начальник штаба бригады капитан 2-го ранга Штыков.

В 19.45, на дистанции 40 кабельтовых, вахтенные сигнальщик обнаружил огни встречного корабля. Находившийся на мостике Штыков, верно определивший во встречном корабле эсминец, рекомендовал Шуманину быть внимательным при расхождении, после чего спустился вниз на ужин.

Несмотря на то, что командир эсминца трижды менял курс, уходя вправо, Шуманин продолжал следовать встречным курсом, а на дистанции в 4 кабельтова, вероятно потеряв ориентацию относительно маневра надводного корабля, отдал команду резко повернуть влево, подставив лодку под его удар.

В результате эсминец врезался в правый борт «М-200» в районе 5—6 отсеков. Подводная лодка стала быстро оседать кормой, в течение 6—10 минут дифферент достиг 80 градусов, после чего она стремительно затонула.

На поверхности остались 8 моряков, двое из которых вскоре утонули. Находившиеся в 5 и 6 отсеках шестеро подводников погибли в момент столкновения. На дне, вместе с лодкой, остались 28 членов экипажа, находящиеся в 1,3 и 4-м отсеках.

В 20.00 по таллинской военно-морской базе была объявлена «боевая тревога» и в район аварии начали выходить корабли Восточно-Балтийской флотилии. В 21.05 был обнаружен отданный с лодки аварийный буй и установлена связь с 1-м отсеком, однако к этому времени моряки, находившиеся в 3 и 4-м отсеках уже погибли.

В течение ночи в район аварии вышло 16 спасательных судов с двумя кранами. Первоначальный замысел командующего флотилией, завести под корпус лодки стропы для буксировки

на мелководье с целью вывода экипажа на поверхность, осуществить не удалось. Не сумели организовать и подачу в 1-й отсек воздуха через забортную арматуру.

До этого, в 04.00, подводники сообщили, что они надели спасательное снаряжение и готовили отсек для самостоятельного выхода на поверхность. Однако, вместо того, чтобы дать «добро», собравшиеся начальники всех рангов принялись совещаться, в итоге чего решение о выводе личного состава было принято спустя почти сутки с момента аварии.

Лодку же планировалось поднять мощными кранами двух спасательных судов.

Начало работ определили на 18.00, однако из-за ухудшения погоды спасательные суда сдрейфовали, и телефонный кабель аварийного буя был оборван. Связь с лодкой прекратилась.

Возобновили спасательную операцию на следующее утро.

В 03.47 спущенные водолазы нашли лодку, и при осмотре корпуса в открытом верхнем люке 1-го отсека был обнаружен мертвый подводник, включенный в ИДА*.

Спасать было уже некого.

После обрыва связи оставшиеся в отсеке подводники поняли, что надеяться не на кого и приняли решение выходить самостоятельно. Однако после длительного пребывания в холодной воде, в условиях высокой концентрации углекислого газа и давления, моряки лишились сил и мичман, первым вошедший в люк, умер от сердечной недостаточности, закрыв остальным путь к спасению.

Спустя еще шесть дней М-200 была поднята спасательным судном «Коммуна» и отбуксирована в Таллин.

...На море опустились сумерки, и далекая точка на фарватере исчезла.

– Ну, вот и все, – глядя в окно, вздохнул Славка.

– Все, – согласился я.

Где-то тоскливо прокричала чайка.

Примечание:

«Пентагон» – главный корпус атомного учебного Центра (жарг.)

ИДА – изолирующий дыхательный аппарат.

Метель

За окном сумерки полярной ночи, в кабинете рассеянный свет лампы и пыхтение фарфорового чайника на лодочной электрогрелке.

На противоположной стене матово отсвечивает географическая карта Мира, а под ней два сейфа и пустых стола. Оба моих «сожителя» в Северной Атлантике.

Смяв очередной окурок в пепельнице, я встаю из-за заваленного бумагами своего, беру стоящую на нем чашку и наливаю туда очередную порцию заваренной до дегтярного цвета жидкости.

Несколько глотков крепкого чифирия вместе с новой беломориной проясняют голову, и в ней снова возникают мысли.

Завтра Новый Год и это радует.

Он первый из последних семи, который, наконец-то, я встречу дома.

Все предшествующие были в казармах, на плавбазах, общежитиях и гостиницах.

Всхлипнув от удовольствия, я тяну к себе очередную, с грифом «секретно» папку и продолжаю оперативное творчество.

Спустя час оно прерывается резким звонком и, чертыхнувшись, я поднимаю трубку.

– Здорово! – слышен в ней бодрый голос дежурного по Особому отделу флотилии, моего однокашника Васи Нечая. – Ну, как дела?

– Дела у прокурора, – бурчу я. – У меня делишки.

– Придется отложить, дуй к нам, тебя адмирал вызывает.

– Понял, – бормочу я, хотя ничего не понимаю.

Драть меня вроде не за что, показатели в порядке и через неделю предстоит автономка, а для инструктажа рано, он в день выхода.

– А ты не зна....

– Пи-пи-пи, – отвечает трубка, и я кладу свою на рычаг.

Спустя пару минут, очистив стол и заперев стальной сейф, я натягиваю на голову шапку (флотилийская контора в пяти минутах хода) и спешу по пустынному коридору к выходу.

– В отдел флотилии, – бросаю скользящему у тумбочки вахтенному и нажимаю кнопку автоматического замка.

Далее гул бетонных маршей лестницы, хлопок пружинной двери за спиной и легкие наполняются морозным воздухом.

Скрипя ботинками по снегу, я рысцой трушу между двумя рядами казарм в сторону высящейся на берегу залива светлой многоэтажки, изредка бросая взгляды по сторонам.

В базе завершается суточный оборот службы, из чернеющей вдали режимной зоны*, в направлении парящего на сопке камбуза целеустремленно шествуют экипажи, на высоком, темно-фиолетовом небе, зажигаются первые звезды.

Пересчитав скользкий гранит ступеней, я шаркаю подошвами по лежащему на крыльце резиновому коврику, тяну на себя упругую дверь и захожу внутрь.

Там тепло, блеск линолеума и усатый Нечай в комнате дежурного.

– Как он? – жму приятелю руку и киваю в сторону начальственного кабинета

– Нормально, – встает тот со стула и поддерживает тяжелую кобуру. – Давай быстрее, топай.

Я водружаю шапку на вешалку, быстро приглаживаю волосы и следую по длинному, с десятком выходящих в него дверей коридору.

Перед самой высокой и обитой черным дерматином останавливаюсь, вдыхаю в грудь воздуха, и ступаю в полумрак тамбура.

– Да, – глухо слышится после стука, и я вхожу в кабинет.

Он громадный, с бардового цвета ковровой дорожкой, светлой полировки мебелью и портретом железного Феликса на стене.

– Давай, Королев, присаживайся, – изрекает сидящий под портретом человек и, подойдя ближе, я осторожно усаживаюсь на один из приставных стульев.

Еще с минуту Василий Ефимович просматривает какую-то бумагу из лежащей перед ним папки, затем что-то пишет в левом верхнем углу и откладывает ее в сторону.

– Ну, как дела, к выходу готовишься? – вскидывает на меня серые глаза и барабанит пальцами по столу.

– Точно так, полным ходом, – киваю я, и делаю решительное лицо.

– Добро, – скрипит кожей кресла Худяков. – А квартиру как, обживаешь?

– Уже – отвечаю я. – Спасибо.

С месяц назад, его заботами, мы с Нечаем переселились из семейного общежития в две служебные квартиры, что по военным меркам дорогого стоит.

– Ну-ну, – благодушно гудит начальник, – а теперь перейдем к делу.

Две наших лодки стоят на ремонте в Сайде, утром 31 выедешь туда и обеспечишь наше присутствие. – Что б там был порядок и никаких ЧП.

– Понял, – отвечаю я. – Будет сделано.

– Дежурный к восьми подошлет тебе «УАЗ», ну а вернешься к вечеру первого. Вопросы?

– Вопросов нет. Разрешите идти?

– Можешь, – протягивает мне через стол руку адмирал. – С наступающим Новым Годом. Только в коридоре я осознаю все в полной мере и тяжело вздыхаю.

Новый Год накрылся, и встретить мне его придется в прочном корпусе. Вместе с теми горемыками, что в Сайде.

Впрочем, к таким вводным я давно привык, только жаль Татьяны, она так надеялась.

– Что, уестествил? – сочувствующе встречает меня Нечай.

– Наоборот, поздравил, – напяливаю я на голову шапку. – И приказал завтра быть в Сайде, вроде Деда Мороза.

– М-да, – жует губами Василий. – Не повезло.

В десять вечера, покончив с бумагами и одурев от писанины, я опечатываю сейф, тушу свет в кабинете и, сдав ключи вахтенному, покидаю отдел.

Добраться в поселок можно двумя путями, низом – через режимную зону, вдоль залива, с выходом к центру, и верхом – по серпантину, а потом через сопку прямо на «вертолетку», где мы с Татьяной теперь проживаем.

Ночь выдалась погожей, и я выбираю серпантин, путь по нему короче.

Ночная тишина и безлюдность располагают к размышлениям, морозный воздух бодрит, а окружающий пейзаж впечатляет.

Справа, внизу, в легких волнах тумана, черная гладь залива с застывшими у пирсов телами ракетноносцев, слева, до горизонта, цепь заснеженных сопок, и над всем этим купол неба, с холодно мерцающими с высоты звездами.

Под каблуками визжит снег, мороз усиливается, и я опускаю уши шапки.

Спустя час, влажно паря ртом и смахнув иней с заиндеветших ресниц, я вхожу в подъезд своей пятиэтажки, поднимаюсь на второй этаж и даю кнопку звонка на своей двери.

За ней тепло, запах чего-то вкусного и улыбающееся лицо жены в передничке.

Чуть позже я с аппетитом наворачиваю суп, потом свои любимые пельмени и думаю, как сообщить Тане о предстоящем вояже.

Она у меня с понятием, но все же.

Новость сообщается, улыбка исчезает, и я огорченно хлопаю глазами.

Это наш первый Новый год в новом качестве, так хотелось встретить его вместе, и теперь облом. Полный.

Перед утром я просыпаюсь от холода и воя ветра за окном, накрываю жену вторым одеялом, потом сую ноги в тапочки и чуть отодвигаю штору.

За расписанным морозом стеклом круговерть снега, неверные блики фонарей меж домами и сплошная пелена за ними.

Набросив на себя плед, направляюсь на кухню, щелкаю выключателем и трогаю батарею. Она холодная, а у потолка, по углам, иней.

Все ясно. Где-то очередная авария.

В Заполярье это в порядке вещей. Теплотрассы проложены на ряжах* поверх скал, и при резких перепадах температур металл часто оказывается слабее.

Я включаю на электроплите все конфорки, ставлю на одну чайник, закуриваю и наблюдаю, как они становятся малиновыми.

В семь утра, одев на себя все теплое, мы слушаем по радиоточке «Маяк» и завтракаем, а потом ждем прибытия машины.

Ровно в восемь звонит телефон и в нем возникает голос нового дежурного Толи Федченко.

– Привет, Валер. Ну что, готов к труду и обороне?

– Вроде того, где транспорт?

– Пока откладывается. На Кольском объявлено штормовое предупреждение. Звонил адмирал, приказал ждать.

– Ясно, – говорю я и кладу трубку.

Таня вопросительно на меня смотрит, и я сообщаю ей о том, что услышал.

– А штормовое предупреждение это что? – широко распахивает она глаза.

Я подробно объясняю, и жена понимающе кивает золотистой челкой.

Потом начинаются томительные часы ожидания, и время словно бы замирает.

Точно сказал один из героев Шолохова. «Нет ничего хуже, чем ожидать и догонять».

С показным интересом мы смотрим недавно купленный телевизор, затем обедаем и выпиваем по рюмке коньяка, от простуды.

А метель между тем свирепствует.

На кухне тонко дребезжит одно из стекол, надо будет закрепить, за окном растут сугробы, а на крыше дома напротив гремит лист сорванного железа.

Если у вас нету дома,
Пожары ему не страшны,
И жена не уйдёт к другому,
Если у вас, если у вас,
Если у вас нет жены, нету жены...

с чувством поет в телевизоре похмельный Мягков, и мне становится грустно.

В отличие от него у меня все это в наличии, но есть еще и приказ – непременно быть в Сайде. А это не Москва или Питер. Там чудес не бывает.

Впрочем, как и раньше, комедия затягивает, и мы на время забываемся.

Потом смотрим «Белое солнце пустыни», с его неподражаемыми колоритом и диалогами героев, после чего я связываюсь с отделом, узнать обстановку.

Все по прежнему, никаких указаний не поступало.

– А еще баржа с елками и хлебом застряла в Полярном, – сообщает Толя. – Судоходство закрыли до особого распоряжения. – У тебя как, елка есть?

– Нету, – говорю я. – Откуда?

– И у меня нету, – вздыхает Федченко. – Все так ждали эту баржу.

Спустя полчаса в дверь кто-то звонит, и я открываю.

На пороге расстроенная соседка.

У нее муж в море и сорвало кран горячей воды на кухне. Нужна помощь.

– Щас, – говорю я и направляюсь к кладовке.

В течение следующего часа, перекрыв стояк, я вожусь с ее краном, устранив поломку и проверяю – все в порядке.

Затем мы поздравляем друг друга с Новым Годом, а сидящая на руках у соседки малыш, радостно визжит и пытается схватить меня за нос.

– Хороший какой мальчик, – показываю я ему «козу».

– Девочка, – улыбается соседка. – Анечка.

Когда время приближается к двадцати трем, затянувшееся ожидание прерывает телефонная трель, и я поднимаю трубку.

– Отбой, лейтенант – слышен издали голос Толи. – «Ветер раз»* отменили.

– Наконец-то, высылай машину.

– Ее не будет, – смеется Федченко. – Звонил адмирал, можешь праздновать.

– Точно?

– Точнее не бывает, с Новым тебя Годом!

– И тебя! – радостно ору я. – С меня причитается!

– Ты слышала? – оборачиваюсь я к жене и встречаюсь с ее лучистым взглядом.

Чуть позже мы начинаем вооружать праздничный стол, и тут обнаруживается, что в доме нет хлеба.

– Не беда, – напяливаю я на себя канатку, – щас смотаюсь.

Спустя минуту, прихватив авоську, я лихо скатываюсь вниз, с натугой отжимаю застывшую снегом дверь и изумленно застываю на пороге.

На дворе прекрасная лунная ночь, в небе сияют звездные россыпи, а под ними, в неподвижном воздухе, хаос мерцающих искрами сугробов.

Со стороны Дома офицеров доносятся звуки оркестра, и во всех концах поселка слышен веселый скрип снега.

Оставив позади широкий деревянный трап с поручнями и едва угадывающимися на нем ступенями, я направляюсь по уже проторенной кем-то тропинке к дежурному магазину и, войдя туда, спрашиваю у размалеванной продавщицы хлеба.

– Нету, – следует ответ. – Должны привезти в 13-й.

Тринадцатый это хлебный киоск, находится в самом центре поселка, сзади универмага, и я направляюсь в ту сторону.

Миновав заснеженную площадь, с установленной в центре мигающей огоньками елью, где уже орудуют лопатами пару десятков моряков, я обращаю внимание на то, что от разных домов, в том же направлении, движутся еще какие-то тени.

– Конкуренты, – мелькает в голове, и я прибавляю ходу.

Когда прибываю туда, у киоска, вдоль уже расчищенной трактором улицы, чернеет и змеится солидная очередь.

Вся без исключения мужского пола и весьма нервная.

– Давай, открывай! – орут впереди сразу несколько голосов, и кто-то гулко стучит кулаком в закрытое окошко.

В ответ тишина, очередь волнуется, дымится сигаретами и становится больше.

Вдруг с высокой снежной насыпи, что рядом, в ее сторону катится громадный, красного шелка мешок, за ним оттуда же горизонтально скользит визжащая Снегурочка, а вслед за ней кувыркается здоровенный Дед Мороз

– Лихо! – в один голос выдыхает очередь, и кто-то даже хлопает в ладоши.

Между тем сказочные персонажи поднимаются, Дед с минуту очумело пялится по стопам, а потом замечает нас и оглушительно гаркает, – ЗдорОво дети!

– И тебе не кашлять! – смеются в очереди, и она добрее.

Потом Дед шмякает мешок на загорбок, Снегурочка обнимает его за талию и, вопя в унисон, «Хмуриться не надо Лада!» – парочка, вихляясь, следует к очередному дому.

– Не дойдут, – с сожалением говорит стоящий впереди меня бородач. – Хана подаркам.

– Дойдут, – потирая рукавицей замерзшее ухо, возражает его сосед. – Это наш минер, его хрен свалишь.

В следующую минуту окошко открывается, оттуда веет свежеиспеченным хлебом, и первые счастливыцы живо рысят к своим домам, бережно унося желанную добычу.

Спустя минут двадцать, я тоже затариваюсь двумя теплыми «кирпичами», чуть отщипываю у одного, и, бросив душистый кусочек в рот, топаю в обратном направлении.

Когда взбираюсь на верхнюю площадку трапа, над поселком вверх взлетает каскад сигнальных ракет и где-то орут «ура!»

– Неужели опоздал?!

Я останавливаюсь, поддергиваю рукав и гляжу на фосфоризирующие стрелки.

До Нового Года еще целых пять минут.

Мадонна

– Королев! – рявкает командный голос со стороны офицерского коридора, я с сожалением шлепаю зажатые в руках костяшки домино на стол и, под недовольное брюзжание партнеров, спешу на голос.

– Значит так, – критически оглядывает меня стоящий у открытой двери офицерской каюты мой «бычок» капитан-лейтенант Пыльников. – Давай быстро переоблачайся в форму «три»*, сопроводишь меня в поселок.

– Есть, радостно вякаю я, и шаркаю тапками в сторону баталерки.

Сегодня воскресенье, на дворе весна и в казарме скучно.

В баталерке, склонившись над стрекочущей машинкой, штурманский электрик и наш внештатный портной Иван Лука, сооружает очередные морские клеши.

Здесь же, напротив, устроившись на банке*, на него трепетно взирает очередной клиент, а на широком подоконнике, привалившись к косяку, радиометрист Серега Кокуйский, лениво перебирает струны пестрящей наклейками гитары.

– Ты куда это намыливаешься? – интересуется Серега, видя, как сдернув с высокого стеллажа тремпель, я начинаю переодеваться.

– В поселок, – натягиваю через голову тесную форменку. – «Бычок» приказал.

– Считай повезло, – отрывается от своей машинки Лука и звонко щелкает пальцами.

Клиент – химик Витька Полдушев, быстро извлекает из кармана робы сигарету, уважительно передает ее мастеру и подобострастно чиркает спичкой.

– М-м-м, – окутавшись дымом, довольно мычит Лука, и таинство продолжается.

Через пять минут, защелкнув на шинели ремень и шаркнув напоследок бархаткой по ботинкам, я подхожу к двери офицерской каюты и стучу пальцем в дверь.

– Ну что, готов? – блестя золотом погон на парадной тужурке, возникает в проеме Сергей Ильич. – На вот, держи. И сует мне в руки объемистую коробку.

Судя по весу и звяку, в ней что-то тяжелое и хрупкое.

Потом он исчезает и вскоре появляется в шинели и мичманке с «крабом», – пошли.

Скрипя ботинками по навощенному до блеска паркету, мы идем по офицерскому коридору, затем по широкому проходу матросского кубрика, уставленного по сторонам двух ярусными кроватями и, миновав скупающего у тумбочки дневального, выходим на лестничную площадку.

– Неси осторожно, – многозначительно поднимает вверх палец Пыльников. – Там, – кивает на ящик, – мадонна.

– Есть! – проникаюсь я сознанием и крепче перехватываю опоясывающий его шпагат.

Потом мы спускаемся по гулким маршам с пятого этажа, Сергей Ильич гундит под нос какую-то мелодию, а я, топя сзади, размышляю, что же такое в ящике.

Исходя из моих познаний, мадонна смазливая девица, изображаемая художниками, вроде итальянцами. Но если так, то почему звякает? Непонятно.

Когда выходим из казармы, капитан – лейтенант, словно читая мои мысли, интересуется, знаю ли я что такое мадонна?

– А то, – солидно, отвечаю я, и излагаю свое видение вопроса.

– Ну что же, ход твоих мыслей в принципе верен, – полуобернувшись ко мне, изрекает «бычок». – Только в данном случае это кофейный сервис. У подружки моего приятеля торжество, купил по случаю в Мурманске, в «Березке».

– За валюту? – переложив коробку из руки в руку, уважительно интересуюсь я.

– Ну да, – шурится он на весеннее солнце. – Для такой женщины не жалко. Она известная актриса. А зовут Наталья Варлей.

– Ух ты! – удивленно пучу я глаза. – Это ж надо!

Фильм «Кавказская пленница» пользуется на флотилии неизменным успехом, его постоянно крутят на бербазе, а экипажи лодок берут с собой в автономки.

Зимой прошел слух, что Варлей видели в поселке, но все посчитали это очередной байкой. Оказывается, нет.

От предвкушения возможной встречи я даже всхлипываю и представляю, как все мне будут завидовать.

Но в голове сразу же возникает мысль, а не «разводит» ли меня «бычок»? Как водится на флоте, Пыльников горазд на розыгрыши и за ним не заржавеет.

– А вы того, не шутите, а, товарищ капитан-лейтенант? – чашу я ногами рядом с офицером, с надеждой заглядывая ему в глаза.

– У нас, Королев, только боцман шутит, – следует невозмутимый ответ. – Да и то, если с глубокого похмелья.

Поверив командиру на слово, я успокаиваюсь, снова включаю воображение и рисую в голове заманчивую картину встречи с кинодивой.

Получается хорошо, и я едва не роняю коробку.

– Я ж сказал осторожно! – аж подсигивает на месте «бычок». – Ни хрена кроме железа доверять нельзя!

Оставшийся отрезок пути мы идем молча, каждый занятый своими мыслями.

Миновав базовый Дом офицеров, у которого стоят несколько автомобилей и дефилирует празднично одетая публика, мы пересекаем обширную площадь, следуем к одной из пятиэтажек, заходим в пахнущий кошками подъезд и поднимаемся на площадку третьего этажа.

– Дзен-нь, – певуче доносится из-за оббитой дерматином левой двери, после нажатия «бычком» кнопки.

Вслед за этим внутри лязгает замок, она широко открывается и в проеме возникает рослый детина.

– О, Серега, проходи! – радостно гудит он. – Наташа, встречай гостя!

Откуда-то из глубины квартиры цокают каблучки, и в ярко освещенной прихожей появляется та, в которую мы влюбляемся на экране.

– Привет, Сережа, – хлопают пушистые ресницы и, приподнявшись на цыпочках, актриса чмокает моего командира в щеку.

– Ой, а это, что за мальчик? – обращает она на меня взгляд, и на щеках играют ямочки.

– Это не мальчик, а мой торпедист, – значительно изрекает Сергей Ильич. – Давай, Королев, заноси, – и делает соответствующий жест.

Я деревянно перешагиваю порог, осторожно ставлю у стены коробку и, сглотнув слюну, с видом идиота пялюсь на красавицу.

Она почти такая же, как в кино, только еще лучше и без Шурика.

Это явно веселит присутствующих, вся тройка переглядывается и весело хохочет.

После этого Наташа благодарит Пыльникова за подарок, а мне на прощание подает руку.

Она маленькая и изящная, как бы не раздавить.

– Ну, все, Королев, а теперь дуй через сопки в часть, – делает начальственное лицо Сергей Ильич.

Да смотри патрулю не попадись, понял?

– Точно так, – с сожалением отвечаю я, и, оглядываясь, выхожу на лестничную площадку.

Дверь за мной закрывается и сказка заканчивается.

А спустя месяц, на предподходовой отработке в море, «бычок» под настроение рассказал, что Наташи в гарнизоне больше нет.

Не понравилась ей северная романтика.

Примечания:

Форма «три» – одна из разновидностей морской формы.

Банка – табурет с отверстием в крышке. для переноски.

Бычок – командир боевой части (жарг.)

Рубль на счастье

– На Фла-аг и Гюйс*, смир-рна! – разносится из боевой трансляции над еще спящим заливом.

Застывшие вдоль бортов синие шеренги чуть вздрагивают, подбородки задираются в высокое небо, в ушах звон секундной тишины.

– Фла-аг и Гюйс поднять!

Сотни глаз пялятся на флагштоки, по которым вверх ползут свернутые алое и сине-белое полотнища, потом они разворачиваются легким бризом и гордо реют в носу и на рубке плав-базы.

– Во-ольно! – следует завершающий аккорд, и день начинается.

Стоящие поодаль от нашей, шеренги распадаются, экипажи гремят сапогами по еще влажному от утренней приборки деревянному настилу палубы и скатываются по крутому трапу вниз, потом строятся и, один за одним, исчезают в утренней дымке.

Наш остается на месте, и к тому есть причины.

Сегодня состоится спуск на воду нового подводного ракетносца, который экипажу над-лежит принять и испытать в море.

Сформированный год назад, он прошел обучение в атомном учебном центре Палдиски, затем стажировался на однотипных кораблях 3 флотилии Краснознаменного Северного флота и оттуда прибыл в Северодвинск для завершения «большого круга»*.

Накануне, в городской сберкассе, замполитом получены сто двадцать серебряных рублей, которые, по старой флотской традиции, должны лечь на рельсы стапеля, откуда наш корабль впервые выйдет в море.

Когда причал пустеет, облаченный в парадный мундир командир обращается к экипажу с короткой напутственной речью, потом кивает старпому и тот бросает, – всем вниз!

У высокого, окрашенного в шаровый цвет борта «Иртыша» мы строимся и походной колонной, во главе с офицерами, направляемся в сторону КПП, из-за которого поднимается солнце.

Его лучи весело сияют на золоте офицерских погон, мичманских шевронов и кортиков, легкий ветерок играет муаром матросских, с якорями, лент.

– Шире шаг! – командует идущий справа старпом, и колонна прибавляет ходу.

Гул причала сменяется скрипом дорожного гравия под ботинками, и строй подходит к КПП.

– Красавцы!, – подняв вверх полосатый шлагбаум, умиляется пожилая «вохра» в брезен-товом плаще и с допотопным наганом на ремне.

В задних рядах смеются, и старпом делает зверское лицо.

Теперь под ногами серая лента асфальта и мы выходим в город.

Обычно, в целях экономии времени, экипаж следует на завод вдоль побережья, минуя базовые склады и молодой парк, но сегодня день особенный, и мы идем через центр.

Шагающие впереди и сзади строя «флажковые», при необходимости предупреждают дви-жение автотранспорта, а изредка встречающиеся прохожие со значением улыбаются.

Многие из них работают на заводе и знают, что означает такое шествие.

У обширной, со стеклянными дверьми проходной, следует команда – «стой!», и под при-стальными взглядами охраны, мы минуем турникеты.

Территория СМП* впечатляет размерами и тем, что внутри.

Фактически, это город в городе, со своим портом, многочисленными цехами, ЭЛЛЕН-ГАМИ и доками, в которых чернеют тела строящихся или находящихся в ремонте атомоходов.

По всей его обширной, утопающей в зелени территории ходят автобусы, снуют грузовые автомобили и целеустремленно следуют группы людей, облаченных в синюю униформу.

За проходной мы снова строимся и, печатая шаг, движемся по центральной аллее в направлении причальной стенки, потом звучит команда – «левое плечо вперед!» и строй шагает вдоль нее.

У причалов, рядом с дебаркадерами, под сеткой камуфляжа застыла «золотая рыбка»*, на корпусах двух соседних лодок всплескивают блики сварки и стучат пневмомолотки, завод кует ядерный щит Родины.

Потом мы приближаемся к громадной коробке расположенного вблизи залива 50-го цеха, в котором укрыт наш ракетносец и ступаем под его высокие своды.

То, что перед нами, похоже на иллюстрации из романа Свифта.

Только вместо Гулливера, на установленных на рельсах массивных тележках, возлежит черная химера левиафана,* а вокруг, на платформах и смотровых площадках, толпятся группы тех, кто его создал.

Экипажу определяют место в непосредственной близости от корабля, затем равняют по линейке, и командир с замполитом отправляется для отдания рапорта на площадку, где стоит высокое начальство.

Оно представлено целым сонмом адмиралов, гостями из Москвы и руководством предприятия.

Здесь же, чуть в стороне, блестит медью военный оркестр.

Пока тянется подготовительная часть, по знаку помощника (вопрос согласован с заводчанами), два наших мичмана быстро укладывают на рельсы перед тележками заветные рубли, а мы, задрав головы, с восторгом глазеем на корабль и ждем торжественного момента.

Наконец в цехе гулко щелкает, где-то вверху с расстрелов срывается стайка воробьев, и начинается посвященный знаменательному событию короткий митинг.

Слово поочередно берут директор предприятия, главный конструктор проекта и Главком ВМФ.

Речи двух первых завершаются аплодисментами гражданских, а на поздравления Главкома мы набираем в грудь воздуха и оглушительно орем троекратное – «ура!».

Затем наступает кульминация действия, кто-то из офицеров штаба вручает командиру бутылку шампанского, и тот направляется к выпуклому борту ракетносеца.

Взмах руки, искры осколков и белая пена на корпусе.

– «.. рра!!» мешается с громом государственного Гимна, тележки чуть вздрагивают и машина крейсера почти неощутимо начинает свой ход по рельсам.

Потом он убыстряется, корабль выплывает из-под высоких сводов и величаво катится к родной стихии.

Еще десяток секунд, тупой форштевень гонит впереди громадную волну, и аспидная туша замирает на водной глади.

Вывалившие из цеха гражданские довольно улыбаются, что-то кричат и пожимают друг другу руки...

Спустя полчаса, оставив на пришвартованном к стенке корабле первую вахту, мы рубим строевым по весеннему городу.

У каждого в зажатой ладони расплющенный рубль.

Рубль на счастье.

Примечания:

Гюйс – красный флаг со звездой в центре. Поднимается только на кораблях 1-го ранга.

«Большой круг» – время от формирования нового экипажа до приемки им корабля (жарг.)

СМП – Северное машиностроительное предприятие.

«Золотая рыбка» – титановая АПЛ впоследствии погибшая в море.

Левиафан – морское эпическое чудовище.

Помывка

– Команде построиться для перехода в баню! – простужено орет дневальный и, спустя пять минут, на среднем проходе кубрика, вдоль двух ярусных коек, изображая строй, гогочут и пихаются локтями четыре десятка здоровых лбов.

– А-атставить базар! – голосит появившийся из каюты дежурного офицера строевой старшина Жора Юркин и неспешно дефилирует вдоль первой шеренги.

Вечер субботы. Мы только что вернулись с ужина и впереди помывка личного состава.

Какой военный ум придумал это романтическое словосочетание, мы не знаем, но звучит оно заманчиво и приятно.

И это понятно, если учесть, что все предшествующие дни мы корячимся в прочном корпусе или болтаемся в море, сдавая очередную «задачу».

Когда-то в другой жизни, будучи призванными с гражданки и считая себя индивидами, мы с предубеждением относились ко всему коллективному, но это дурь в учебных отрядах быстро выбили, и теперь мы радовались всему, что требовало «чувство локтя».

А на флоте оно действительно требовало и везде.

Будь то корабельный аврал или тревога, экстренный выход в море или вот эта самая «помывка».

Индивидуально это хрен осилишь, а вот коллективно, да. Проверено.

Вслед за Юркиным перед строем возникает лодочный врач Алубин (мы его называем Айболит) и, окинув всех профессиональным взглядом, интересуется, обеспечена ли команда всем необходимым.

– Ну да, – солидно кивает Жора. – Мыло, белье и мочалки в наличии.

– Так, а почему я не вижу Чепурных? – тычет старлей в шеренги пальцем.

– Вот сука, опять сбежал, – злобно шипит Юркин. – Иконников, Свеженцев, срочно найти!

Гремя сапогами, те уносятся в сторону длинного коридора, в котором расположены бытовые помещения, а строй радостно оживляется.

Спектрюмный Сашка Чепурных, по кличке «Желудок», очень яркая личность.

Помимо хронической лени и нелюбви к службе, он отличается удивительным прожорством и водобоязнью.

Последнее проявляется в хроническом нежелании умываться и, тем более, ходить в баню.

Вот и в этот раз, пользуясь случаем, Желудок куда-то зашхерился* и, скорее всего, мирно почитывает в ожидании завтрака.

Минут через пять после исчезновения гонцов, из самого дальнего помещения, где расположена баталерка*, доносятся душераздирающие вопли, а потом из коридора появляются Иконников со Свеженцевым, волокущие под руки упирающегося Желудка.

Под дружный гогот и подначки, его водворяют в строй, после чего Алубин благодушно кивает, и, расхаживая перед строем, произносит краткую речь о пользе личной гигиены, и последствиях ее несоблюдения.

В завершение он уничижительно глядит на Желудка, обещает заняться им лично и начальственно кивает Юркину, – можно вести.

После этого следует команда, прихватив все необходимое, мы напяливаем на себя шинели, шлепаем на головы шапки и, весело гогоча, вываливаем на лестничную площадку.

Затем гул ступеней лестничных маршей, пушечный хлопок пружинной двери казармы, и легкие наполняются морозным воздухом.

Над казарменным городком фиолетовое с дымкой небо, слева заснеженная гряда скал и внизу желтый свет теряющихся вдали фонарей.

– Шире шаг! – орет рысящий сбоку Жора и над строем клубится пар от дыхания.

Одноэтажная, красного кирпича баня, приткнулось под сопкой у камбуза, рядом с пекарней, из высокой трубы которой вверх поднимается белесый столб дыма.

На подходе к месту мы встречаем строй уже помывшихся. В отличие от нашего, он едва плетется, чуть парит и довольно лается.

– О, миловановцы чапают! – радостно орут оттуда и пронзительно свистят.

Поравнявшись, мы обмениваемся солеными шутками, кто-то из наших залепляет одному из свистунов снежком в лоб, и, под дружный хохот, команды расходятся.

А чуть позже, довольно сопя и потирая рукавицами замерзшие щеки, мы вваливаемся в жаркий предбанник.

В нем приглушенный свет ламп в жестяных абажурах под потолком, пахнет мылом и почему-то яблоками. Вдоль стен вешалки, а под ними крашенные дубовые диваны, с вырезанными на них ножами изречениями вроде «Здесь был Вася», «Чичкарев мудак» и многочисленными «ДМБ», начиная с пятидесятых годов.

Кто такой Вася и те парни, что уволились в запас еще до нашего рождения, мы не знаем, а Чичкарев – начальник гарнизонной «губы»*, на которой побывали многие.

Через минуту предбанник темнеет от увешанных на крючках шинелей, под веселый треп мы стягиваем с себя сапоги с робаи и прочее, после чего, оставив добровольно вызвавшегося Желудка их охранять, прихватываем мочалки с мылом, и, толкаясь, спешим в моечную.

Там еще жарче, вверху плавают остатки пара, из облицованных кафелем стен торчит десяток медных кранов, а на низких каменных скамьях горки уложенных друг в друга шак.

Последние мгновенно расхватываются, вентили кранов открываются, и помещение тонет в молочном тумане.

Вокруг мелькание мускулистых торсов, крики и веселый мат.

Отдав дань первым шайкам с горячее водой, мы низвергаем их на головы, снова наполняем и шоркаем себя намыленными мочалками. Затем делаем очередной заход и трем друг другу спины.

– Эх, шас бы веничек! – мечтательно басит докрасна надраенный, здоровенный Венька Кондратьев, распластавшись на одной из скамеек.

– А затем пивка с воблой и Манечку! – вторит ему сидящий рядом Славка Кокуйский, густо намыливая голову.

Верно мыслишь, Слава, – бубнит возникший рядом Витька Дараган и, подмигнув соседям, ловко умыкает у того шайку с водой.

Завершив процесс, Кокуйский лапает вокруг руками, и, не найдя емкости, смахивает с глаз пену.

Потом его лицо кукужится, постепенно превращаясь в морду и с ревом, – отдайте шайку, курвы!! – Славка вскакивает и пытается схватить кого-нибудь из расположившихся рядом.

Но не тут-то было. Все мокрые, скользкие и с хохотом уклоняются. Наконец страдалец натывается на полную шайку, плещет в лицо горстями воду и, изрыгая маты, грозит измордовать обидчика.

Но того нету. Все чинно моются.

– Ничо, за мной не заржавеет, – демонстрирует залу кулак Славка и, косолапя, возвращается на свое место.

Смыв с себя трудовой пот недели, мы чувствуем себя благостно и начинаем мыться не спеша.

Побулькивая, наполняются горячей водой шайки, размеренно шаркают по раскрасневшимся телам мочалки, возникает неизменный морской треп.

Кто-то вспоминает баню в Палдиски, и все довольно скалятся.

Она была городской, и туда водили экипажи.

Один раз, по ошибке, Димка Улямаев попал в женскую моечную, и две молодые эстонки гнались за ним с вениками до нашей.

Потом мы долго спорили для чего – отхлестать или утащить обратно?

– Так, а про Желудка – то мы забыли, говорит Серега Корунский, задумчиво шевеля пальцами ног в парящей шайке.

– Точно! – подпрыгивают сразу несколько голосов. – Пора и ему помыться!

Жора приказывает сменить Чепурных, и все радостно оживляются. Предстоящий спектакль повторяется каждую неделю и в разных вариациях.

В этот раз Сашка появляется в моечной добровольно, подозрительно всех оглядывает и, сделав мученическую рожу, тянет со скамьи одну из шак.

Затем, он наполняет ее горячей водой из крана, разводит холодной и, гадливо морщась, тычет в емкость пальцем.

– Как водичка, Санек, мокрая? – спрашивает его кто-то.

– Да пошел ты, – шипит Желудок, после чего чуть плещет на скамью и плюхается на нее задом.

Потом, зачерпнув ладонями, он чуть смачивает голову, затем лицо и, судя по всему, собирается завершать омовение.

Но не тут-то было.

По знаку Юркина трюмного сгребают несколько крепких рук, сытенское тело шлепают животом вниз, и начинается процесс принудительного купания.

Для начала орущего благим матом Сашку с ног до головы мылят, затем обильно окатывают из шак и снова трут мочалками. Все это время он вырывается, сучит голенастыми ногами и, как говорят на гражданке, «выражается».

– Невоспитанный какой мальчик, – благодушно гудит ближайший друг Желудка Свеженцев, низвергая на приятеля очередную посудину. – Ща ты у нас будешь чистый и красивый!

После этого пациента отпускают, отплеываясь, тот принимает вертикальное положение, выдает последний сногшибательный спич, и, дрожа розовыми ляжками, галопирует в сторону двери.

– КрасавЕц! – умиляются окружающие и живо обмениваются впечатлениями.

– Не иначе у него в роду был кто-то из ненцев, – многозначительно изрекает Димка Улямаев.

– Это почему? – интересуются сразу несколько голосов.

– Да они тоже мыться не любят. И делают это раз в году.

– Иди ты! – пучит глаза Славка Гордеев.

– Сам иди, – презрительно сплевывает Димка.

– Вот пасет этот самый ненец всю зиму оленье стадо в тундре, а весной приезжает в стойбище. Садится, значит, у очага в чуме и наворачивает под спирт килограммов пять мяса.

– Почти как наш Желудок, – смеются окружающие. – Давай, трави дальше.

– А потом говорит жене, буду мыться, – не обращая внимания на реплику, продолжает Димка.

– Та сразу же тащит ему несколько малиц, это у них шубы такие, ненец напяливает их на себя, выходит из чума и начинает вокруг него бегать.

– Вокруг чума, в шубах?! МолодцА! – восхищаются слушатели. Ну-ну, и что дальше?

– И бегают он так, пока не вспотеет, – невозмутимо продолжает Улямаев. – А потом лезет внутрь, раздевается догола, и жена драит его костяным ножом как мы медяшку. Потом сжигает всю хурду*, что была на муже, и дает ему новую, до следующего года.

– Да ладно, Дим, будет заливать, – не верит возлежащий неподалеку Саня Ханников.

– И ничего он не заливает, – ввязывается в беседу, как всегда серьезный Витька Лебедев. – Я когда учился на геолога, был два месяца на практике на Таймыре. Зимой они именно так и моются.

– Надо просветить Желудка, пусть возьмет на вооружение, – предлагает кто-то из парней. – Во, будет потеха!

– Не надо, – решительно заявляет Жора. – Оленины у нас нету, а спирт мы и сами выпьем. Ну, все, братва, кончай травить, почапали в казарму.

Когда распаренные и первозданно чистые мы выходим из бани, на дворе стоит ночь.

Высоко в небе блестят звезды, снег весело искрится и пахнет яблоками.

– Красота! – довольно бубним мы и дышим полной грудью.

Внезапно ноздри улавливают дразнящий запах, все поворачивают головы в сторону пекарни и непроизвольно сглатывают слюнки.

– Так, – сбивает на затылок шапку Жора. – Витек, дуй по быстрому к кормильцам, а остальным перекур.

Витька Допиро молча кивает и направляется к пекарне, а мы окружив стоящий у крыльца под фонарем «обрез»*, извлекаем из карманов сигареты и чиркаем спичками.

Минут через пять из темноты возникает Витька, принесенные им три горячих «кирпича» по братски делятся, и мы с наслаждением жуем кисловатый мякиш.

– Да, Шурик, это будет получше пирожных, – хлопает довольного Желудка по плечу Вовка Марченко и сует тому еще кусок.

– Угу, – мычит Желудок и откусывает поочередно сразу от двух.

– Ну, все, кончай припухать! – дососав бычок, швыряет его в обрез Жора.

– В колонну по четыре стройся!

Все привычно занимают свои места, потом следует очередная команда, и сорок пар ног размеренно шаркают по наледи.

– Может того, споем? – предлагает кто-то, и Юркин согласно кивает головой.

Соловей, соловей, пташечке!

Канареечке, жалобно запер!

взвывается к небу высокий тенор экипажного запевалы Витьки Миронова, и все проникаются высоким искусством.

Раз запер, два, запер!

В гнездышке..!

дружно подпрыгивают остальные, и под каблуками весело скрипит снег.

Когда, завершая очередной куплет, строй минует здание флотилийского штаба, с разлапистыми соснами у входа, оттуда раздается начальственный рык «А-атставить!» и в свете фонарей возникает рослый капитан 3 ранга с повязкой «РЦЫ»* на рукаве и пистолетной кобурой у колена.

– На месте! Старший ко мне! – рявкает «каптри» и закладывает руки за спину.

Поправив шапку, Юркин рысит к начальству, останавливается в трех шагах и бросает к виску руку.

– Кто такие?! – тычет оно пальцем в хромовой перчатке в строй.

– Экипаж капитана 1 ранга Милованова! Следуем с помывки!

– А что за хрень вы несете?!

– Виноват! – делает идиотское лицо Жора и ест глазами начальство.

– Повторное прохождение – выносит приговор капитан 3 ранга – И с достойной песней!

Тихо матерясь, Жора отводит нас чуть назад, потом следует команда, и мы рубим строевым.

– Запевай! – подпрыгивает по – птичьи, сбоку старшина.

«Славится Северный флот с давних пор,
Парни на флоте у нас на подбор!»

снова летит в небо тенор Миронова

«Северный флот, Северный флот,
Северный флот, не подведет!»

орем мы во всю силу легких, стараясь держать равнение.

– Смир-рна! Равнение налево! – голосит Жора, руки прижимаются по швам, и рожи поворачиваются в сторону начальства.

– Молодцы, товарищи североморцы! – прикладывает руку к козырьку капитан 3 ранга. – Хорошо слУжите!

– Служим Советскому Союзу! – оглушительно рывкаем мы, и на шкентеле* кто-то падает.

– Вольно! – командует Жора, когда штаб исчезает позади, и мы переходим на походный шаг.

– Какая курва там упала?

– Желудок! – радостно орут несколько голосов, и мы смеемся.

Впереди фильмы и целое воскресенье.

Примечания:

Зашхериться – спрятаться, укрыться (жарг.)

Баталерка – комната хранения личных вещей.

Губа – гауптвахта (жарг.)

Обрез – часть металлической бочки, урна (жарг.)

Хурда – одежда (жарг.)

Шкентель – конец строя (жарг.)

На бачке

– Шире шаг! – сдвинув на затылок щегольскую бескозырку, останавливается у крутого трапа плавбазы цыганистого вида старшина, и матросские каблуки дробно стучат по металлу.

На верхней площадке руки поочередно взлетают к виску, приветствуя реющий на гафеле военно-морской флаг, и вернувшаяся с лодки команда ступает на первозданной чистоты, настил палубы.

Миновав громаду шарового цвета надстройки, моряки направляются в сторону кормы, и, весело переговариваясь, исчезают в ограждении люка одного из кубриков.

Внизу они стягивают с потных тел синие, с боевыми номерами рубахи, из рундуков извлекаются мыло и казенные полотенца, после чего команда отправляется мыться.

Впрочем, не вся. Остаются бачковые.

Они выщелкивают из креплений раздвижные столы, водружают их у рундуков под подвесными койками и шмякают на каждый по горке алюминиевых мисок с ложками (вилки и ножей не полагается), и быстро расставляют эмалированные кружки.

Затем из посудного шкафчика извлекаются емкие бачки с крышками, армейского образца «сидоры» и массивные, тяжелого металла чайники.

Все это берется в руки, бачковые шустро карабкаются вверх и рысят в направлении камбуза.

Он гордо высится на юте* и издает дразнящий запах.

Парни пристраиваются за такими же гонцами из других экипажей, после чего идет обмен приветствиями и все гадают, чем сегодня кормят.

Впрочем, ждать приходится недолго, впереди звякает окно раздатки, и первый в очереди со словами, – на десять! – сует туда бачок с чайником.

Спустя минуту они возвращаются наполненными, волосатые, в наколках руки, шлепают на броняшку три золотистых «кирпича» и изнутри орут – следующий!

Получивший сует хлеб в «сидор», прихватывает емкости и, с чувством выполненного долга, шествует вдоль очереди. В бачке янтарный, с мослами борщ, его крышке, макароны по-флотски, в чайнике компот.

– Нормалек, – провожают его взглядом, и действие продолжается.

Когда подходит очередь Женьки Банникова, он орет, – на восемь! – передает рукам посуды и раздвигает горловину «сидора».

Вслед за этим следует хлюп, потом звяк и кок орет, – следующий!

Получив харч, Женька навьючивает себя атрибутами и, сопя, уносится в направлении кубрика.

Далее следует эквилибристика на трапе, небольшой контакт башкой с пиллерсом*, и кормилец тормозит у своего стола.

За ним семеро, включая старшину и химиков с ракетчиками.

– МолодцА! – каркает он. – Хорошо служишь!

А трап гремит, не переставая.

В кубрике, как черти из коробки, возникают очередные бачковые, харч распределяется по столам, делится, и все дружно мелькают ложками.

Когда миски с борщом опорожняются, старшие загружают их обильно сдобренными тушенкой макаронами, и темп несколько снижается.

– Жить, как говорится, хорошо! – отправляя в рот очередную ложку, – изрекает киношную истину один из ракетчиков.

– А хорошо жить, еще лучше! – всасывает в себя длинную макаронину химик.

Потом все выпивают по кружке компота из сухофруктов и смачно чавкают грушами с черносливом.

– Ну, теперь, можно и соснуть, – первыми отваливаю от столов «годки»* и, сбросив тапки, укладываются в подвесные койки.

– По тревоге не кантовать, при пожаре выносить первыми, – сонно бормочет один и раздражается богатырским храпом.

Из оставшихся, часть направляется к трапу, предаться наверху пагубной страсти табакокурения, другие раскатывают пробковые матрацы и, зевая, укладываются на рундуки, а бачковые, стараясь не шуметь, убирают со столов.

Затем они тоже поднимаются наверх, остатки выбрасываются за борт на радость бакланам, и под их радостные крики направляются в нос судна.

Там, в просторном умывальнике, расцвеченном бьющим в отдраенные иллюминаторы солнцем, холодной водой с мылом, уже драят посуду несколько бачковых из других экипажей.

Прибывшие брякают свою в длинный, идущий по борту глубокий желоб из нержавеющей стали, отворачивают вентили медных кранов и тоже активно включаются в процесс.

Когда алюминий промыт до скрипа, все складывается в емкости, парни перекуривают и возвращаются в полумрак кубрика.

Там храп, сонное бормотание и шипение пара в трубопроводах.

Упрятав столовые атрибуты в кухонный шкаф, Женька разворачивает на своем рундуке постель, укладывается на нее, и довольно улыбается.

До конца дня всего ничего, и после ужина он передаст свои полномочия другому.

Патруль

– Первая шеренга два шага вперед! – командует стоящий перед строем помощник коменданта.

– Бах, бах, – весело отзываются матросские каблуки, и мы едим глазами начальство.

– Т-экс, – довольно изрекает оно и неспешно скрипит рантами меж шеренгами.

На дворе июнь, кругом все цветет, в небе кувыркаются голуби.

– Два шага назад! – завершив осмотр, рявкает майор и, обернувшись, кивает стоящему рядом дежурному по части.

Тот делает значительное лицо, кашляет в кулак и открывает перед собой папку.

– Слушай выписку из Устава караульной и гарнизонной службы! – пучит глаза в нашу сторону.

– Патрульный обязан!

Далее следует перечисление всего того, что нам следует делать, а чего нет, и инструктаж завершается начальственным ором, – ясно?!

– Так точно! – разносится эхом по плацу, и мы задираем вверх подбородки.

– Начальникам патруля принять личный состав и выйти на маршруты! – обращается майор к небольшой группе созерцающей действие офицеров, и те подходят к шеренгам.

Нас с Валеркой Тигаревым забирает лейтенант и отводит в сторону.

– Лейтенант Малыш – коротко бросает он. – Будем знакомы.

Мы прикладываем руки к бескозыркам и незаметно переглядываемся.

На малыша он явно не тянет. Рост два метра, плечи грузчика и здоровенные кулаки, с голову младенца.

Начальник разжимает один, вручает нам красные, с грозной надписью повязки, мы нацепляем их на рукава форменок и проникаемся сознанием своей значимости.

– Маршрут движения – парк, центр города, шлюпбаза и базовый Дом офицеров, – наставительно бубнит лейтенант. – Ясно?

Мы дружно киваем и приосаниваемся.

После этого наша тройка направляется к КПП*, минует его темный коридор и попадает в мир солнца.

– Хорошо бля, – шуримся мы с Валеркой и довольно озираемся.

– Не отставать! – гасит лирическое настроение лейтенант, и мы прибавляем ходу.

В город не было увольнений две недели. С того самого времени, как мы подрались с морпехами.

Сегодня первое и целая толпа патрулей. В воспитательных, так сказать, целях.

Оставив позади часть, для начала мы направляемся в городской парк и гордо шествуем по его центральной аллее.

По ней гоняет на велосипедах стайка орущих пацанят, а на скамейках дремлют бабульки с детскими колясками. Нарушителей дисциплины явно нету.

– А теперь в центр, – поддернув портупею с кобурой, изрекает начальник, и мы выходим из-под зеленых крон.

Палдиски – город морской и военный.

В свое время его основал царь Петр, и он стал одним из форпостов на Балтике.

Сейчас в городе атомный учебный центр, бригада подплава и дисбат, а в окружающих лесах погранзаства, морпехи, два ядерных реактора и, прикрывающее объект, подразделение ПВО.

Есть и гражданское население – русские и эстонцы, но их мало.

Спустя несколько минут мы выходим на главную улицу, именуемую Лауристини, где жизнь, как говорят, бьет ключом.

У центрального универмага продают квас, газировку и мороженое, по тротуарам дефилирует разряженная публика, а по проезжей части катят автобусы и машины.

А вот и первые потенциальные нарушители. Три рослых морпеха в черной форме, берегах и коротких сапогах.

– Ком цу мир! – делает лейтенант жест пальцем, и те, отдав честь, вытягиваются перед начальством.

– Документы! – обводит он глазами тройку, и все лезут в карманы.

Пока Малыш изучает военные билеты и увольнительные, мы разглядываем морпехов, пытаюсь угадать в них знакомых

Не получается. А морды наглые, форменные бандиты.

– Все, можете быть свободны, – возвращает начальник документы, и мы следуем дальше.

Потом мы с Тигаревым оглядываемся и один из морпехов тоже.

В следующую секунду он стигает в локте руку, шлепает по нему второй и делает известный жест.

– Вот сука, – бубню я Валерке. – Теперь вспомнил, это он мне в ухо дал.

Пока мы идем по улице, и я строю планы мести, вдали возникают еще несколько военных групп, но все они бесследно исчезают.

Меж тем солнце поднимается к зениту, становится жарко, и лейтенант угощает нас квасом.

Опорожнив по кружке, мы перекуриваем в одном из дворов на скамейке, после чего отправляемся в сторону шлюпбазы.

Там, за дощатым ограждением с плавсредствами, одиноко торчит вышка, а чуть в стороне, на пляже, десяток бледных парней с воплями гоняют мяч.

– С подплава, – кивает Валерка на аккуратно сложенные неподалеку робы, и мы несколько минут наблюдаем за игрой.

Затем, с лейтенантом во главе, скрипим ботинками по береговой гальке и по извилистой тропинке поднимаемся на крутой склон.

Перед глазами открывается безбрежная даль залива, точки парящих в синеве чаек и перистые облака у горизонта.

– Ну, как, впечатляет? – оборачивается к нам Малыш, и мы молча киваем бескозырками.

Залив мы каждодневно наблюдаем из окон учебного центра и не перестаем удивляться.

Утром он затянут легким туманом и вроде спит, днем радует глаз барашками бегущих по нему волн или зеленью ультрамарина, а вечером окрашивается в пурпурные тона уходящего на покой солнца.

Спустя полчаса, оставив позади берег, мы выходим на одну из окраинных, застроенными частными домами улиц, и идем по ней обратно.

Дома аккуратные, с высокими черепичными крышами и зелеными палисадниками вокруг.

Ты проснешься на рассвете,
Мы с тобою вместе встретим,
День рождения зари.
Как прекрасен этот мир, посмотри,
Ка-ак прекра-асен, этот мир

доносит откуда-то ветерок слова популярной песни, и мы проникаемся лирическим настроением.

Впрочем, длится оно недолго.

Со стороны одного из домов раздается пронзительный визг, из калитки выбегает женщина с орущим младенцем на руках и мчится в нашу сторону.

– В чем дело? – останавливается лейтенант. – Нужна помощь?

– Да, – всхлипывает она, – утомоните мужа.

– За мной! – оборачивается начальник, и мы рысим к калитке.

За ней небольшой садик, а во дворе качающийся во все стороны здоровый бугай с топором в руках.

– Брось! – приказывает лейтенант и нервно лапает кобуру.

В ответ тот что-то злобно орет по-эстонски, затем поудобнее перехватывает свое оружие и делает несколько неверных шагов навстречу.

– Взять! – следует команда, и мы с Валеркой прыгаем на дебошира.

Вырванный топор летит в одну сторону, наши бескозырки в другую и тяжело сопя, мы заламываем руки хулигану за спину.

– В комендатуру супчика, – шлепает начальник бескозырки нам на голову, и мы, сопя, вытаскиваем вопящего прибалта на улицу.

– Во-во, пускай посидит гад! – высказывают недовольство собравшиеся у калитки соседи и успокаивают все еще плачущую женщину.

Метров через сто «гад» понемногу успокаивается, его ноги все больше заплетаются, и мужик начинает клевать носом.

Тащить почти центнер веса не подарок, и настроение у нас падает.

– Давай, давай, топай! – периодически встряхиваем мы задержанного, и тот бессмысленно ворочает башкой.

Когда наша компания минует центр, хулиган снова приходит в себя, изрыгает маты и начинает вырываться.

Нас с Валеркой бросает из стороны в сторону, и мы его едва удерживаем.

Встречающиеся прохожие с интересом глазят на весь этот цирк, обмениваются мнениями и дают ценные советы.

Наконец, потные и злые, мы оказываемся в парке, от которого рукой подать до комендатуры и здесь разворачивается кульминация.

Вконец озверевший нарушитель, пинает Валерку ногой под колено, тот с воплем выпускает его руку, а мы сцепляемся в дружеских объятиях и рушимся в ближайший куст сирени.

– Держись! – басит откуда-то сверху Малыш, потом в воздухе мелькает кулак, и с меня стаскивают обмякшее тело.

– Вяжите, – расстегнув китель, протягивает нам брючный ремень начальник, мы быстро сооружаем в нем скользящую петлю и крепко захлестываем руки бесчувственного хулигана.

Потом усаживаем его на скамейку и приводим себя в порядок.

Вид у нас еще тот.

Белые форменки вывожены в пыли, у меня лопнули брюки в шаге, а у Валерки лопнуло стекло от часов.

– У, гад, – косимся мы на приходящего в себя эстонца, затем по знаку лейтенанта приводим его в вертикальное положение и, спотыкаясь, выходим на финишную прямую.

Наконец желанное здание комендатуры, у которого лениво шаркает метлами пара губа-рей, а за их работой со скучающим видом наблюдает пожилой прапорщик – начальник гауптвахты.

– О! Тармо! – оживляется он при нашем появлении. – Снова бузил?

– Т-га, – сплевывает задержанный, – немножко.

Затем мы сдаем буяна дежурному и с чувством выполненного долга отправляемся на обед.

Впереди, полный романтических встреч, вечер.

Чито – вгрито

Полночь. Северная Атлантика. Борт подводного ракетносца.

В отсеках легкий гул корабельной вентиляции, приглушенный свет подвальных плафонов, редкие команды по боевой трансляции.

– Погружаемся на глубину двести метров. Осмотреться в отсеках! – следует очередная.

Вслед за этим, из неоткуда материализуются вахтенные, выполняют, что предписано и нетленно исчезают.

– У-у-у, – монотонно гудит вентиляция.

– Хр-р-, – вползает в нее из полуоткрытых дверей кают, где отдыхает очередная смена.

Впрочем, спят, далеко не все.

В офицерской кают-компании, расположенной на верхней палубе второго отсека, начинается очередной просмотр фильмов.

Памятуя завет вождя мирового пролетариата, о том, что «важнейшим из искусств для нас является кино», на корабле его впитывают ещешоно и в изрядных количествах.

А поскольку старшим на борту, в этот раз заместитель командира соединения, ассортимент фильмов радует новизной и разнообразием.

В сорока жестяных коробках, полученных в Политуправлении флота и упрятанных замполитом в компрессорной выгородке первого отсека, под бдительным надзором торпедистов, хранятся перлы советского кинопроката.

– Ну что, комиссар, чем сегодня порадуешь? – басит от центрального стола замкомдива, и удобно расположившиеся на диванах и привинченных к палубе креслах, жаждущие приобщиться к искусству офицеры, оживляются.

Кстати, выглядят они весьма импозантно. Многие с бритыми, сияющими как бильярдные шары головами, разнокалиберными усами и пока еще жидкими бородками. Дань, так сказать, подводной моде.

Ну, и как положено при посещении кают-компании, все в отутюженных кремовых рубашках, легких синих штанах и кожаных тапках. Рубашки, по неизвестно кем заведенной традиции, украшены выполненными водостойким суриком штампами, по числу пройденных автономок и свидетельствуют о боевой наплаванности их владельцев.

Самые – самые старпом и механик. Они все в штампах, как ходячие бандероли.

– Предлагается новый фильм Данелия, – молодежато подкручивает казацкие усы чернявый капитан 2 ранга. – «Мимино» называется.

– Это который снял «Путь к причалу»? – проявляет высокую осведомленность командир.

– Ну да, – поудобнее устраивается в кресле механик. – По сценарию Вити Конецкого.

– Наш человек, – многозначительно изрекает замкомдива. – Давай, Эдуард Иванович, запускай берлагу.

Замполит подает знак в сторону уже вооруженной бобинами «Ураины», старшина-акустик, он же по совместительству киномеханик, тянет руку к рубильнику и через секунду в полумраке кают-компании возникает тихий стрекот.

Сначала на белом полотне висящего впереди экрана появляются пленочная перфорация, название фильма и титры, а потом с борта летящего вертолета открывается прекрасная картина гор, синеего над ними неба и земной ландшафт.

– Красота, – ветерком шелестит среди зрителей, а впечатлительный доктор от восторга всхлипывает.

Далее, после приземления, следуют несколько колоритных диалогов горцев, вызывающих у аудитории дружный смех, вертолет снова парит над горами, и все вокруг наполняет жизнеутверждающая песня

Мера мемгеребс удзило зеца,
Замбахи вели.
Ту мильхис вмгери ту севдиоб,
Маица вмгери.
Мера мемгеребс варадабис сутква
Какачос пери
Чели силгера туда маатлес
Хода мец вмгери!

торжественно выводит мягкий баритон, и у многих по телу пробегают мурашки.

Чито вгрито чито маргалито да,
Чито вгрито чито маргалито да,

следует далее оригинальный припев, и в него вплетаются звуки барабана.

Песня будоражит, куда-то зовет и рвется из прочного корпуса.

– Хорошо поет, – покачивая в такт ногой в тапке, констатирует замкомдива. – Душевно.

Когда первая часть заканчивается и киномеханик перезаряжает установку, офицеры живо обмениваются впечатлениями и довольно улыбаются.

– Вот видишь, Михал Иванович, – обращается командир к здоровенному минеру. – Летает человек в воздухе, песни душевные поет. – А ты на швартовках всегда матами ругаешься.

– Он, не ругается, – пихает локтем в бок приятеля командир ракетчиков. – Это наш Миша так разговаривает.

В кают-компании грохает смех, и фильм продолжается.

Когда он заканчивается и врубается свет, офицеры некоторое время сидят и молчат. Всем хочется продолжения и почему-то грустно.

На следующую ночь «Мимино» показывают в старшинской кают-компании мичманам и матросам, и тот, что называется, вызывает фурор.

«Чито вгрито» бормочут на многих боевых постах и в рубках, а в общественных, вроде курилки и амбулатории местах, то и дело летают крылатые фразы.

Типа, «Ларису Ивановну хачу» или «Я тебе умный вещь, скажу. Только ты не обижайся».

А когда в кают-компаниях пьют вечерний чай, к которому подается сухая простокваша, кто-нибудь обязательно интересуется у соседа «ты пачиму кефир не кушаишь? Не любишь?».

И еще многих интересует перевод слов «чито вгрито», по поводу которых разгораются жаркие дискуссии.

В экипаже есть русские, украинцы, белорусы и даже сыны вольных степей, а вот грузин нету.

Точку в этом вопросе ставит экипажный полиглот – доктор. «Чита», исходя из его лингвистических познаний, это девушка – зазнайка. Данное устраивает стороны, и все довольны.

На исходе третьего месяца, при возвращении в базу, в последнюю ночь на борту снова крутят полюбивший фильм, мягкий баритон поет о Чите, и все грезят о родном берегу...

Спустя десять лет, волею судеб и начальства отрешенный от моря, я вылетел в свою первую командировку в Грузию.

Была осень, убаюкивающе гудели турбины, за иллюминатором лайнера куда-то плыли облака.

Тбилиси встретил хорошей погодой, своим неповторим колоритом и радушием хозяев.

Когда поселившись в один из номеров гостиничного комплекса Ваке, после ужина я сидел вместе с ними на террасе и любовался вечерним городом, из расположенного внизу парка, со скользящими над ним кабинками фуникулера, легкий ветерок донес слова знакомой песни.

– Что, нравится? – поинтересовался самый старший, по имени Георгий.

– Очень, – кивнул я и рассказал где и когда ее впервые услышал.

– Ясно, – переглянулись коллеги, и вскоре распрощались, пожелав мне спокойной ночи.

А спустя неделю, когда мы вместе бродил по узким улочкам древней столицы Грузии Мцхета, друзья пригласили меня пообедать в один из расположенных там ресторанов.

Называли они его «пацха», пристроен он был к скале и, судя по обстановке, тоже был весьма древним.

В обширном пустом зале нас уже ждал установленный поперек дубовый стол, поражающий обилием блюд и напитков, и мы, не мешкая, отдали ему должное. Седовласый тамада красочно провозглашал тосты, пили за партию, дружбу народов и процветание.

Затем к сидящему рядом со мной Георгию подошел хозяин в «сванке»* и черной рубашке, перетянутой серебряным пояском, наклонился и что-то прошептал.

Тот клюнул горбатым носом, положил мне руку на плечо и кивнул в сторону двери, – смотри.

В следующее мгновение ее створки со скрипом растворились, и в зал пружинистой походкой вошли пятеро людей, с музыкальными инструментами в руках.

Не обращая внимания на присутствующих, мужчины гордо стали напротив, инструменты в их руках ожили, и к сводам полетели красивые как сама жизнь, слова.

Мера мемгеребс удзило зеца,
Замбахи вели.
Ту мильхис вмгери ту севдиоб,
Маица вмгери.
Мера мемгеребс варадабис сутква
Какачос пери
Чели силгера туда маатлес
Хода мец вмгери!

блестя маслинами глаз, чудно пел выступивший чуть вперед невысокий крепыш, и за столом внимательно слушали.

А когда эхо последних слов замерло, и последовали аплодисменты, один из наших даже прослезился.

– Ты что, Автандил? – уставились на него соседи.

– Птичку жалко, – приложил он к глазам платок, и зал содрогнулся от хохота.

– Это песня так называется, «Птичка невеличка» – наклонился ко мне Георгий, и я тоже рассмеялся.

Ошибся, оказывается наш полиглот.

Тогда, в Атлантике.

Сауна с телефоном

На одной из традиционных встреч в день Военно-Морского флота, где мы пьем водку и предаемся воспоминаниям о флотской юности, мой приятель, капитан 1 ранга Валера Байников рассказал довольно занимательную историю, которую я привожу дословно.

«В бытность моей службы в должности оперуполномоченного Особого отдела Краснознаменного Северного флота, в славном городе Североморске, я повстречал своего одноклассника по Высшей школе Алика Турмухаметова.

Встрече мы были искренне рады, и после обмена новостями он пригласил меня попариться в корабельной сауне на эсминце 7 эскадры КСФ, который обслуживал.

Поскольку от такого предложения ни один здравомыслящий моряк не отказывается, я с благодарностью принял приглашение и в один из дней, предварительно созвонившись, мы прибыли на эсминец.

Там Турмухаметов дал команду механикам включить электротэны сауны, и, в предвкушении удовольствия, мы неспешно в нее проследовали.

Располагалась эта чудесница в одном из корабельных помещений за металлической глухой дверью без каких-либо запоров. Вместо нее в просверленное в центре отверстие была продета ременная петля, исполнявшая роль клинкет*.

Внутри сауна имела обычный вид за исключением того, что во всех ее помещениях: раздевалке, душевой и даже парилке, на переборках висели массивные хоботы корабельных телефонов. Целых три штуки, больше чем на ГКП* крейсера.

Оригинальное исполнение дверной рукоятки и обилие средств связи в таком располагающем к отдыху месте, несколько озадачило меня и, зная, что на флоте просто так ничего не делается, я поинтересовался у Алика причинами столь странного дизайна.

Он в ответ рассмеялся и, пригласив меня в уже раскаленную парилку, рассказал довольно занимательную историю.

Сауна была расположена в помещении, ранее являвшимся на корабле техническим и, соответственно, оборудованном дверью с клинкетным рычажным замком, располагавшимся только с внешней ее стороны.

До поры до времени, посещавшие эсминец высокие гости, командир и офицеры мылись и парились в сауне в свое удовольствие, не испытывая никаких неудобств. Но все хорошее когда-нибудь кончается.

В одну из помывок, клинкетный замок по какой-то известной только ему прихоти самопроизвольно закрылся и закупорил в раскаленной сауне местного капитан-лейтенанта.

Поскольку тэны вырубить было невозможно – они включались только с внешнего электропоста, а наглухо задраенная дверь его усилиям не поддавалась, офицер стал вопить и пытаться ее высадить. Но куда там! Это ж не какая-то, а рассчитанная на эксплуатацию в условиях плавания, дверь, призванная обеспечить водонепроницаемость судовых переборок.

Так, что его жалкие потуги успехом не увенчались. Обессилев, капитан-лейтенант сполз на палубу и стал понемногу вариться, как сарделька на пару.

Но за него, по-видимому, кто-то молился. Проходивший по коридору матрос случайно услышал какой-то подозрительный писк за дверью сауны и не поленился доложить об этом вахтенному офицеру.

Когда недоваренного сибарита извлекли из клубов почти материального пара, заполнявшего помещение, он был весь в соплях и без сознания.

Как водится, случилась разборка, дело замяли, командир вставил потерпевшему «фитиль» и про тот случай забыли.

– И что вы думаете? На этом все закончилось? Отнюдь.

Второй жертвой двери оказался ваш покорный слуга.

Все произошло, как и в первый раз, с той лишь разницей, что я не стал орать и суетиться, а сразу лег на «рыбину» в дальнем углу раздевалки, укутав голову мокрым полотенцем, и стал мысленно звать к Создателю.

И, повидимому, он меня услышал.

На корабле сыграли учебную тревогу, началась беготня и через какое-то время, обратив внимание на работающие в сауне тэны, меня тоже извлекли из этой душегубки, причем не в самом лучшем состоянии.

В этот раз, наплевав на субординацию и не выбирая выражений, фитиль воинским начальникам вставил я.

– И что ты думаешь? Помогло.

Командир приказал срезать автогеном клинкетный замок и оборудовать дверь вот этой самой петлей. А в каждое помещение поставить по телефону.

Так, на всякий случай».

Примечания:

Клинкет – рычажный запор на корабле.

ГКП – главный командный пункт

Некоторые особенности воспитания в ВМФ

«Воспитание матросов на Флоте, дело архиважное.

Им занимаются от подъема до отбоя и, даже ночью, когда все спят.

Ибо матрос существо непредсказуемое, склонное ко всяческой бузе и вольнодумству.

Кто, как не они, кидали офицеров за борт на броненосце «Князь Потемкин-Таврический», пуляли из главного калибра «Авроры» по Зимнему, или орали «караул устал!», при первых зачатках демократии в России?

Известное дело – матросы.

Кто дул спирт из гирокомпасов и торпед в годы войны на кораблях, понижая их боевую мощь, или ходил в атаки на берегу с черным матом и «полундрой», вместо патриотического лозунга «За Родину»?

Та же братия.

А кто ломает новую технику в море, спит на вахте и при первом удобном случае удирает в самоход, чтобы там пьянствовать и идейно разлагаться?

Они же».

Примерно так думал помощник командира ракетного подводного крейсера «К-450», размеренно скрипя ботинками по снегу в сторону одной из казарм жилого городка флотилии.

Упрятанный в тени высающейся справа скальной гряды, он парил уложенной на ряжах змеистой теплотрассой, сонно мигал уставшими за ночь фонарями и пялился на залив сотнями еще темных окон.

– Т-экс, – сказал помощник, остановившись у высокого крыльца и поддернул рукав шинели.

Фосфорицирующие стрелки показывали без четверти шесть, и он довольно хмыкнул.

Со дня на день, в базе ожидалось прибытие высокой комиссии во главе с Министром обороны маршалом Гречко, и на последнем совещании в штабе, командующий призвал офицеров не ударить в грязь лицом.

– Все что железное – покрасить, где торчит – загнуть, а матросов повсеместно окучивать! – завершил он свое выступление.

И на следующее утро все вокруг стало благоухать кузбаслаком и суриком, а на пирсах в умелых руках зазвенели аварийные ломы и кувалды.

Что же касается «окучивания», то в казармах было введено круглосуточное дежурство офицеров, и помощник, заступил на него первым.

Поднявшись по гулким ступеням на пятый этаж, он потянул на себя массивную дверь, с табличкой в/ч53117 вверху и ступил в просторный холл, с длинным рядом матросских шинелей и шапок на вешалке, и клюющим носом дневальным, сидящим на тумбочке.

– Бах! – пушечно хлопнула за спиной помощника дверь.

– Шурх, – прыгнул дневальный с крышки.

– Товарищ капитан-лейтенант... – забубнил он в следующую секунду, приложив к шапке руку.

– Два наряда, – растопырил перед ним помощник пальцы, и, стянув с рук перчатки, монолитно двинулся к темнеющему справа высокому проему.

За ним, в фиолете ночного освещения, теряясь вдали, матово светился широкий проход, по обеим сторонам которого высились в два яруса койки, со стоящими перед ними банками*, увенчанными аккуратными квадратами сложенных поверху матросских роб.

– Хр-р-р, – разноголосо витало в воздухе.

Дойдя до второго проема кубрика, за которым виднелась длинная кишка коридора, помощник удовлетворенно хмыкнул, сделал оверштаг* и пошагал обратно.

У тумбочки, рядом с дневальным, уже в в робе и тапках, стоял взъерошенный строевой старшина Юркин и хмуро взирал на помощника.

– Качественно спите, вместе с дневальным, – наклонился к нему помощник и перевел взгляд на висящую сверху радиоточку.

Там что-то шелкнуло, захрипело, и в помещении возникли звуки метронома.

– Подъем – бросил помощник старшине с последним, и тот кивнул застывшему рядом дневальному.

– Подъем! Команде вставать!! – по петушину заголосил матрос, а радиоточка разродилась Гимном.

Союз нерушимый республик свободных,
Сплотила навеки великая Русь!
Да здравствует созданный волей народов
Единый, могучий Советский Союз!

решительно пели мужские и женские голоса, и им вторили скрип и пляска железных коек. Спавшие на верхних ярусах отбрасывали одеяла на спинки и ловко сигали вниз, после чего, сунув ноги в тапки рысили к банкам* и лихорадочно напяливали на себя робы, на нижних сонно ворочались, бурчали и непотребно лаялись.

– Команде приготовиться к утренней физзарядке! Форма одежды в робах и шапках! – сипло проорал Юркин и сделал движение в сторону коек.

– Стоять, – осадил его помощник и стал засекал время.

Через пять минут, зевая и почесываясь, четыре десятка здоровых лбов, переминаясь с ноги на ногу, стояли выстроенные вдоль коек.

– Веди, – милостиво кивнул старшине помощник, Юркин грозно рыкнул, и вся команда, во главе с ним, дружно загремела сапогами к выходу.

Впрочем, не вся.

На нижних к проходу койках, размеренно сопя носами, мирно почивали укутанные в казенные одеяла, пять тел.

– Гм-м, – пожевал губами помощник, потом вздохнул и направился от тумбочки в ту сторону.

Далее его рука сделала мускульное усилие, и первое, с матрасом тело, с грохотом полетело на проход. То же поочередно было проделано с остальными, после чего офицер отмахнул летающий вокруг него пух, стряхнул пальцами с ворота шинели какие-то пылинки и, с чувством выполненного долга, неторопливо обернулся.

Последний любитель сна, на ходу вскочив в робу, и зажав подмышкой ботинки, резво галопировал к двери, развивая похвальное ускорение.

– Годки, мать вашу, – проводил его взглядом рысых глаз помощник и направился по проходу в сторону офицерского коридора.

Отперев дверь своей каюты, он вошел внутрь, шелкнул выключателем, определил шинель с фуражкой в шкаф и зазвенел ключами у высокого металлического сейфа.

А чуть позже, нещадно дымя и шевеля губами, помощник активно долбил двумя пальцами по клавишам расхлябанной машинки.

Когда он отпечатал и выдернул из машинки второй документ, значительно озаглавленный «Расписание нарядов», со стороны матросского кубрика раздался топот многочисленных ног, неразборчивое бубнение и сиплый бас строевого старшины.

Взглянув на часы, помощник отодвинул от себя машинку и надавил на стене, закрепленную там кнопку.

Вслед за этим в коридоре послышался бодрый галоп, который резко оборвался у двери, потом в нее осторожно постучали, и в проем воткнулась голова дневального.

– Юркина ко мне! – последовал рык.

– Есть! – вякнула голова и исчезла.

Через минуту в каюте возник тяжело сопящий Юркин и изобразил строевую стойку.

– Все 3 км пробежали?

– Точно так, товарищ капитан-лейтенант, все!

– А годки?

– И они тоже!

– Ну-ну – недоверчиво пробурчал помощник. – Давай, организовывай приборку.

Когда спустя полчаса, команда была построена для перехода на завтрак, помощник снова неспешно прошелся перед облаченными в черные шинели и шапки моряками, окинул взглядом образцово «отбитые» койки и до блеска надраенную палубу, после чего встал в центре.

– Не вставшие по подъему, два шага вперед!

Вслед за этим послышались несколько шлепков по плечам, и из второй шеренги материализовалась утренняя пятерка.

Все мордастые, в остроносых хромачах и с золотистыми лычками на плечах.

– Команда равняйся! Смир-рна! – рявкнул помощник и вскинув к фуражке руку.

– За нарушение распорядка дня и разгильдяйство, всем по три наряда на работу!

– Есть..., есть три ..., невнятно пробурчали в ответ.

– Не слышу!

– Есть три наряда на работу! – оглушительно рявкнули пять глоток.

– Вот так-то лучше, – благодушно изрек помощник и кивнул Юркину, – веди на завтрак.

Потом был обычный день, с подъемом флага и проворотом оружия на лодке, получением «фитилей» от командира и выбиванием расходных материалов у «тыла» для очередного выхода в море, а также еще множеством дел, сопутствующих его беспокойной должности.

Незадолго до ужина, наскоро перекусив в поселке, помощник, снова сидел в своей каюте и долбил на машинке очередные формуляры.

Краем уха он слышал, как с камбуза с веселыми криками вернулась команда, потом экипажный магнитофон голосом Высоцкого захрипел «капитан, никогда ты не станешь майором!» и, в унисон с ним, по столу звонко защелкали костяшки домино.

А спустя час, в вечерние звуки казармы вплелись новые.

Сначала раздался виртуозный мат, затем вой и что-то с грохотом упало.

– Кончай бузить! – заорали сразу несколько голосов, потом затопали и Высоцкий прохрипел, «Ой Вань, гляди какие клоуны, рот хоть завязочки пришей!»

Помощник скривился, ткнул сигарету в пепельницу и решительно шагнул к двери.

Из полумрака коридора ему открылся ярко освещенный кубрик, перевернутый стол, с россыпью костяшек на полу и резво бегающая вокруг группа.

– Убью суки! – пьяно орал преследующий ее жилистый старший матрос и вращал над головой вздетой на руку массивной банкой*.

– Гарифулин! – эхом пронеслось по кубику, и буян озадачено остановился.

– Ко мне! – заложив руки за спину, вышагнул из тени помощник.

С видом сомнамбулы, старший матрос тихо поставил банку, громко икнул, и, как кролик к удаву, заскользил в сторону помощника.

– Прошу, – сделал тот радушный жест, и они поочередно исчезли за дверью.

В кубрике возникла напряженная тишина, нарушаемая шелестом вертящейся вхолостую бобины.

А спустя минуту в каюте помощника что-то упало вторично, затем в коридоре всплеснул свет и в кубрик четко промаршировал Гарифулин.

У своей койки он застопорил ход, быстро разобрал постель, затем разоблачился и, аккуратно сложив робу, нырнул под одеяло.

– Хр-р! – спустя минуту раздался богатырский храп.

– М-да, быстро он его, – переглянулись присутствующие и дружно заржали.

Затем «козлисты»* вооружили стол и продолжили партию, а кто-то установил на «Комету» новую бобину.

И осталось лицо, и побои на нем,
И куда теперь выйти с побоями...

чувственно изрек всенародный бард, и всем стало хорошо.

А без четверти шесть следующего утра, вместе с менявшим помощника минером, в казарму нагрянул замполит, лично проконтролировать подъем и зарядку.

– Ну, как тут у тебя с воспитательным процессом, Михал Иванович? – поинтересовался он.

– Окучиваешь?

– Еще как, – солидно изрек помощник.

– Вчера, например, боролся с сорняками.

Примечания:

Оверштаг – в данном случае поворот кругом.

Банка – табурет.

Годок – старослужащий на флоте. (жарг.)

Козлисты – любители игры в домино. (жарг.)

Встреча

Вздохнув тормозами, экспресс плавно останавливается напротив здания аэропорта, увенчанного громадными буквами «Внуково», и пассажиры, прихватив ручную кладь, чинно направляются к выходу.

Мы с Виталькой не спешим и выходим последними.

На дворе 7 ноября и то, что называется «золотой осенью».

Несколько часов назад мы отстояли оперативный наряд на Красной площади, затем вернулись в общежитие на Хавской, там наскоро привели себя в порядок, и вся группа отправилась в свой первый после срочной службы отпуск на Родину.

Я, например, не был там три года, очень соскучился по родным, и рад предстать перед ними в новом качестве.

– Ну что, айда в зал, уточним время отлета? – киваю на один из стеклянных входов.

– Айда, – говорит Виталька, и, помахивая кожаными портфелями, мы входим под высокие своды.

Народу под ними не особенно много, и все гражданские.

– Ты смотри, и никто строем не ходит! – изрекает армейскую мудрость Виталька, и мы смеемся.

Найдя на электронном табло нужные рейсы (Виталька летит в Донецк, а я Луганск), мы неспешно дефилируем по огромному залу и проникаемся пассажирскими настроениями.

Минут через десять, исследовав оба этажа и ознакомившись с порядком регистрации, мы ощущаем чувство голода и решаем перекусить.

Завтрак был в пять утра, сейчас далеко за полдень, а до отправления наших рейсов еще не скоро.

Работающие в зале экспресс-кафе и буфет ассортиментом не радуют, но выбирать не приходится, и мы пристраиваемся к одной из очередей.

Внезапно со стороны сидящих неподалеку в пластиковых креслах пассажиров доносятся женский крик, потом трель милицейского свистка, и мимо нас, расталкивая встречных, несетя длинноволосый парень, с зажатой в руке дамской сумочкой.

– Опа! – цапает Виталька бегуна за плечо, а я подставляю тому ногу.

Парень с воплем катится по бетону и врежется башкой в стоящую неподалеку тележку, а спустя секунду набегают наряд милиции, и в сопровождении потерпевшей, того уводят.

Окружающие бурно реагируют, и проверяют свои вещи.

Когда до желанной стойки остается всего ничего, рядом с нами возникает сержант, и, козырнув, предлагает, – пройдемте.

– А в чем, собственно дело? – переглядываемся мы с приятелем.

– Там все объяснят, – делает он приглашающий жест рукой. – Прошу.

– Не иначе тоже жулики, – шелестит в очереди, и, сопровождаемые подозрительными взглядами, мы с Виталькой, прихватив портфели, следуем за стражем порядка.

В расположенной неподалеку комнате милиции, за столом сидит пожилой капитан и оформляет протокол, перед ним, на стуле, задержанный, и здесь же потерпевшая и еще один милиционер.

– Так, присаживайтесь, – кивает нам капитан. – Спасибо за содействие, будете у нас свидетелями.

– Нам не положено, – улыбается Виталька и, вынув малиновое удостоверение, демонстрирует его начальнику.

– Понял – пробежав его глазами, говорит тот. – У вас такое же?

Я молча киваю и смотрю на часы.

– Ну что же, в таком случае не задерживаю, счастливого полета.

– И еще это, – включается в разговор приведший нас сержант, – в очереди в буфет стоять не надо.

Тут неподалеку приличное кафе. Семеныч, я провожу?

– Давай, – снова наклоняется к протоколу капитан.

Выйдя из комнаты, мы следуем за сержантом к центральному выходу, за ним он останавливается и тычет рукой в сторону небольшого, расположенного метрах в ста от здания аэропорта, сквера.

– Вон там кафе и буфетчицу зовут Юля. Скажете что от Андрея, накормит по первому разряду.

– Спасибо, сержант, – говорим мы, жмем ему руку и направляемся к скверу.

В нем золотая россыпь листьев на дорожках, кусты увядших хризантем и куб кафе-стекляшки под старой липой.

– Почти оазис, – говорю я, и мы заходим внутрь.

Там разноцветные блики льющегося сквозь стены осеннего солнца, полтора десятка пластиковых столиков, с сидящими за ними немногочисленными посетителями и блестящая нержавейкой барная стойка, с вертящим бобинами импортным «Грюндигом» и батареей разнокалиберных бутылок за ней.

Besame, besame mucho,
Como si fuera esta noche la ultima vez.
Besame, besame mucho,
Que tengo miedo tenerte, y perderte despues.

тихо льется из колонок голос Шарля Азнавура, и вся суeta прошедшего дня остается позади.

– Здравствуйте мальчики, – возникает у стойки миловидная буфетчица, в накрахмаленной курточке и наколке в пышных волосах. – Что будем заказывать?

– Мы, Юля, от Андрея, – подмигивает ей Виталька. – А что имеете предложить?

– От Андрея? – заинтересовано оглядывает нас девушка и называет несколько горячих блюд.

Мы выбираем эскалопы, к ним заказываем по салату из овощей и сыр, а заодно бутылку «Мадеры», в честь праздника.

– Приятного аппетита, – говорит девушка, получив деньги, и мы усаживаемся неподалеку за столиком.

– Ну, с Октябрьской революцией! – разливает вино приятель, и стаканы отзываются глухим звоном. Вино знакомо пахнет югом, мясо сочное, а салаты свежие, и мы с удовольствием подкрепляем силы.

Голос Азнавура навевает грусть, за прозрачными стенами тихо кружатся листья, хорошо.

Потом все это нарушает звук открываемой двери, хлопок, и мы недовольно поворачиваем головы.

На пороге высоченный моряк, в лихо сдвинутой на затылок бескозырке, широких клешах и небольшим чемоданом в руке.

Знакомое лицо, выпуклые глаза, широкие прямые плечи.

– Витька! – ору я, отпихивая стул, и делаю шаг ему навстречу

Челюсть у вошедшего отваливается, глаза становятся еще больше, и он радостно вопит, – Валерка!

В следующее мгновение мы сцепляемся в дружеских объятиях, радостно хохочем и гулко тузим друг друга по спинам.

– Во, не иначе сослуживцы, – говорит кто-то из посетителей, и это правда.
Витька Полдушев, старший химик-дозиметрист с моей лодки.
В мае я уехал поступать в Школу, а корабль ушел в автономку, в Северную Атлантику.
– Это ж надо, такая встреча! – довольно оглядываю я приятеля. – Никак дембельнулся?
– А то, – солидно изрекает он. – Вот, следуя на Родину, в славный город Чебоксары.
– Придет ноябрь, замерзнет речка и ДМБ объявит Гречко! – басит стоящий рядом Виталька и протягивает Полдушеву лапу, – держи краба!
– Кореш? – косится на меня Витька.
– Ну да, – отвечаю я, и следует церемония рукопожатия.
– Здоровый, черт, – трясет после него рукой Витька.
– Есть немного, – белозубо скалится Виталька. – Так че, обмоем встречу?
Спустя несколько минут столик вооружается еще двумя «Мадерами», к Витьке подвигаются новые эскалоп с салатом, и я набулькиваю стаканы.
– За встречу! – следует тост, и вино приятно холодит небо.
– Неплохой клев, – отдает Витька дань мясу, – совсем как у нас на лодке.
Потом мы выпиваем за тех, кто в море, и довольно оглядываем друг друга.
– Ну, давай, рассказывай, как сходили, и вообще, – наваливаюсь я локтями на столик.
– Сходили на два месяца в район Бермудов и обратно, – сообщает Витька. – После сдали лодку и в санаторий. Ну, а затем приказ, и, как говорят, гуляй Вася.
– Как ребята?
– Все путем. От Мурманска до Ленинграда ехали весело и всем набором.
Там сошли Свеженцев, Гордеев, Антоненко и Иконников. С остальными простился на Ленинградском. Такие вот дела, – вздыхает Витька.
– Ну а ты как? Поступил в училище?
– Поступил. Вот, летим с Петровичем в отпуск.
– Отпуск это хорошо, а ДМБ лучше, – безапелляционно изрекает Витька, и мы смеемся.
Далее идут воспоминания о службе, мы поочередно спрашиваем «а помнишь?», и очень радуемся, что не забыли.
И тут я замечаю, что у приятеля матросские погоны. Без лычек и с золотыми буквами «СФ».
– Не понял? – тычу в них пальцем. – Ты ж был старшина 1 статьи?
– Смайнали, – сокрушенно вздыхает он. – И еще легко отделался.
– ?!
– Ну да, – кивает чубатой головой Витька. – Загодковали мы после санатория по полной. Мол, позади три года морей и «вся корма в ракушках*». А чтоб молодым служба раем не казалась, стали их жучить. Ну, кэп и устроил нам «легкий крик на лужайке». Всех разжаловал и пообещал дембельскую автономку. Потом, правда отошел и отпустил с миром.
– Гуляйте, мол, засранцы. Помните мою доброту.
После этого мы с Виталькой корчимся от смеха, а Витька невозмутимо на нас тарашится.
Затем наступает время регистрации рейса на Чебоксары, и, поблагодарив гостеприимную Юлю, мы выходим наружу.
В воздухе запах осени, шелест листьев под ногами и высокое голубое небо.
Спустя час, мы стоим с Виталькой у ограждения перед взлетной полосой и смотрим на разноцветную вереницу пассажиров, следующую к одному из стоящих там самолетов.
За нею парусит клешами высокая черная фигура. У трапа она оборачивается и машет в нашу сторону бескозыркой.
Мы тоже машем в ответ.
– Прощай, Витька!

Собачий марш

Погожее июльское утро.

Синь неба над сопками. Ультрамариновая гладь залива. Застывшие у берега, черные тела ракетноносцев.

Над ними, радуя глаз, под легким бризом трепещут флаги расцвечивания, а рядом, на пирсах, выстроены экипажи в парадной форме.

Затем тишина утра нарушается размеренными ударами метронома со штабной плавбазы и, с последним, усиленным динамиками, бодрым голосом дежурного по флотилии.

– На-а Фл-аг и Гю-йс, смир-рна!

Шеренги чуть вздрагивают и замирают.

– Фл-аг и Гю-йс поднять! – несется над заливом, и команду сменяют бравурные звуки Гимна.

Союз нерушимый республик свободных,
Сплотила навеки великая Русь.
Да здравствует созданный волей народов,
Единый, могучий Советский Союз!

торжественно несется в высокое небо, и по флагштокам кораблей вверх ползут синие-белые и алые полотнища.

– В-о-льно! – следует после завершения Гимна очередная команда, и флаги величаво реют в прозрачном воздухе.

Далее экипажи перестраиваются в колонны по четыре, выходят через лодочные КДП* на бетон вьющегося под скалами серпантина, и следуют походным шагом к выходу из режимной зоны*.

Впереди, с угнезженным на плече флотилийским знаменем, двухметровый, в белых перчатках лейтенант, с двумя, сопровождающими его здоровенными старшинами с автоматами, далее лучший в соединении экипаж, недавно получивший приз Главкома, и за ними остальные, всего полторы тысячи.

Лучи солнца играют на золоте офицерских погон, кортиков и шевронов, празднично синеют матросские гюйсы, в такт шагам взблескивают якоря на муаровых лентах бескозырок

– Не растягиваться, прибавить шагу! – изредка бубнят следующие сбоку экипажей старпомы, и черная волна минует широко распахнутые ворота контрольно-пропускного пункта.

За ним гудрон уходящей вверх дороги, и открывающийся сверху вид на поселок.

Он раскинулся в окаймленной сопками обширной долине и радует глаз почти городской перспективой.

Пяти и девятиэтажные дома вдоль заасфальтированных улиц, обширная площадь перед центральным универмагом, базовый Дом офицеров и школа неподалеку.

Улицы и площадь чисто подметены, дорожные бордюры и стволы молодых деревьев побелены известкой, на забранном в гранит, небольшом озере, свежей краской отсвечивает белый кораблик.

Перед универсамом, увенчанным лозунгом «Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи», длинная, обтянутая кумачом трибуна с воинскими начальниками, а по обеим сторонам от нее гражданская часть населения, представленная, в основном, гостями, женами моряков и их чадами.

Здесь же, на противоположной стороне площади, весело сияет медью сводный духовой оркестр, а в ее дальней части, откуда ожидается появление маршевых колонн, хмуро проха-

живается военный комендант с помощником, и по всему периметру, с равными интервалами, бдит стоящий в оцеплении караульный взвод.

Вообще-то, исходя из ранга, коменданту полагается стоять на трибуне, пятым справа от командующего, но в прошлый День флота случился досадный казус, и волей единоначальника полковник лишился такой чести.

А всему виною была компания гражданских специалистов из «почтового ящика», которая неожиданно возникла из близлежащего ресторана и, распевая «Варяга», пыталась принять участие в параде.

– Курвы, – морщится комендант, вспомнив ту историю и обводит тяжелым взглядом подведомственную территорию.

Она, как говорят, соответствует, за исключением стайки собак, вольготно расположившейся на прогретом солнцем гранитном берегу озера.

Братья меньшие с интересом наблюдают за необычным скоплением двуногих, почесываясь и звонко выкусывают блох друг у друга.

– Убрать, – бурчит полковник и тычет в них пальцем.

– Есть! – козыряет помощник и отдает соответствующее распоряжение.

Вслед за этим туда рысит ближайший боец из оцепления, псам выдается команда, «Пошли на хрен отсюда!» и стая неспешно трюхает в дальнюю часть озера.

А спустя минуту, из-за ближайших домов показывается длинная, с плывущим впереди знаменем, парадная колонна.

Следуя заранее определенной дислокации, экипажи занимают отведенные им места на противоположной части площади, а в празднично расцвеченной толпе зрителей, нарастает радостное оживление.

В отличие от них, стоявшие на трибуне хранят невозмутимое спокойствие и многозначительно надувают щеки.

– Ну что, будем начинать? – обращается один из адмиралов к командующему, и тот величаво кивает золотом шитья на фуражке, – можешь.

Далее следует начальственная отмашка, в наступившей тишине звонко щелкают мощные динамики и с крыши школы, в небо срывается стая голубей.

– Товарищи! – делает шаг к микрофону начальник политотдела соединения. – Митинг, посвященный Дню Военно-Морского флота Союза Советских Социалистических республик, – объявляю открытым!

Вслед за этим военный дирижер взмахивает палочкой, оркестр исполняет Гимн, и все проникаются важностью события.

– Слово предоставляется командующему флотилией, вице-адмиралу Батюшкину! – торжественно продолжает начпо, когда затихает завершающий аккорд.

– Товарищи североморцы! – неспешно обзирает пространство командующий. – От имени руководства Страны, Главкома и себя лично, поздравляю вас с Днем Военно-Морского флота!

Далее возникает короткая пауза и троекратное «ура!» уносится к кувыркающимся в небе голубям.

Затем командующий толкает подготовленную накануне речь, акцентируя ее на вопросах боевой и политической подготовки, выражает уверенность в дальнейшем их повышении в пику мировому империализму, после чего передает слово представителю штаба Флота и местной общественности.

Те тоже предметно высказываются, и наступает кульминация.

Застывшие на своих местах парадные расчеты напрягаются, зрители с интересом на них пялятся, и слышно как где-то в заливе кричат чайки.

– Смир-рна! – нарушается возникшая идиллия металлическим лаем из висящих на столбах репродукторов.

– К торжественному маршу, поэкипажно! На одного линейного дистанции! Первый экипаж прямо, остальные направо, шаго-м..арш!

С последней командой парадные расчеты оживают, медь оркестра взрывается «Прощанием славянки», адмиралы и иже с ними приосаниваются, а первый экипаж рубит строевым в направлении трибуны.

Сине – белое, с серебряным наконечником, знамя чуть колышется впереди строя, двести сорок, в надраенных до зеркального блеска ботинках ног, мерно попирают брусчатку площади, и в унисон им фонят стены близлежащих домов.

На подходе к трибуне в офицерских шеренгах дружно рывкают «и раз!», руки марширующих прижимаются к бокам, а нимбы белых чехлов на головах, вздергиваются вверх и вправо.

В ответ военачальники прикладывают руки к козырькам и делают подобные египетским сфинксам, лица.

Вслед за первым, перед трибуной и бурно выражающими удовольствие зрителями, теперь уже под звуки «Встречного марша» проходят второй и третий экипажи.

– Хорошо идут! – наклоняется представитель штаба флота к командующему и тот величаво кивает, – хорошо.

Когда же на площадь ступает последний, в дальнем ее конце возникает какая-то суэта и крики.

Они привлекают всеобщее внимание, и в толпе зрителей раздается смех.

В нескольких метрах от последней, четко отбивающей шаг шеренги, виляя хвостами и довольно улыбаясь, гордо шествует собачья стая.

Впереди, согласно иерархии, громадный сенбернар со своей подругой колли, а за ними прочие, самых разных мастей и окраса.

Замыкают шествие несколько совсем юных щенков, дружно семенящих маленькими лапками.

– Мама, мама, смотри, военные собачки! – оглушительно визжит какая-то малышка, и смех перерастает в хохот.

А спустя час, на фуршете в Доме офицеров, отдавая дань армянскому коньяку и пайковым деликатесам, стоявшие на трибуне обмениваются мнениями по поводу завершившего парада.

– На достойном провели уровне, – солидно констатирует адмирал из штаба флота, обращаясь к командующему. – У тебя, Лев Алексеевич, – даже собаки службу знают.

– Само – собой, – отвечает тот и делает знак официанту, – повторить.

Вечером, над гремящем музыкой гарнизоном, в небо раз за разом уносятся разноцветные серии корабельных ракет.

..р-р-а! – сопровождают их восторженные крики.

И за всем этим с сопок, наблюдают «братья меньшие».

Которые тоже знают службу.

Примечания:

КДП – контрольно – дозиметрический пункт.

Режимная зона – зона особого режима, в которой стоят АПЛ

Правдоруб

Вернувшись после ночного обхода кораблей дивизии, дежурный по соединению капитан 1 ранга Охлобыстин разоблачился, водрузил шинель и фуражку с «крабом» на штатив вешалки, после чего опоясал торс пистолетной портупеей и нацепил повязку «РЦБ» на рукав кителя.

Затем он отправил ключющего носом помощника отдыхать, уселся в вертящееся кресло перед металлическим столом с несколькими телефонами и учинил в журнале дежурного запись о проверке несения корабельной службы.

На восьми из стоящих в базе лодок она была на должном уровне, а на двух имели место нарушения.

«...Верхневахтенный АПЛ „К-240“ спал на брезентовых чехлах в ограждении рубки. При сыгрии учебной аварийной тревоги на АПЛ „К-312“, аварийная партия 1 отсека имитировала борьбу с водой без использования штатных средств и механизмов», завершил ее Охлобыстин и витиевато расписался.

Своей властью он «вставил фитили» обоим дежурным по кораблям, а завтра, после утреннего доклада адмиралу, аналогичные вставят командирам.

Еще раз пробежав глазами написанное, «капраз» удовлетворенно хрюкнул, и, закрыв журнал, с чувством выполненного долга извлек из лежащей на столе коробки, длинную «Герцеговину флор»

– М-м-м, – довольно замычал, окутавшись дымом и, вытянув ноги, устался в темное пятно иллюминатора.

В него дробью стучал осенний дождь, на выходе из залива всплескивал далекий огонь створа, где-то в казарменном городке тоскливо выла собака.

Охлобыстин размышлял над тем, что предстояло сделать, и проникался его важностью.

Еще с курсантских времен капитан 1 ранга всячески боролся за справедливость, резал везде правду-матку и здорово поднаторел в этом деле.

Данное сказывалось на его служебном продвижении и взаимоотношениях с начальством, но свое жизненное кредо Охлобыстин не менял.

Очередной, нанесенный им по несправедливости удар, сделал его в соединении еще более известным, и капитан 1 ранга этим по праву гордился.

Тогда, как раз, завершились небывалого размаха морские учения «Океан», Флот показал свой ядерный оскал акулам империализма, и в его передовое соединение нагрянул сам маршал Гречко с многочисленной свитой.

По этому поводу состоялся торжественный смотр, а затем всех офицеров собрали в гарнизонном ДОФе.

Далее были выступления Маршала, Главкома и Начальника Главпура*, читка приказа о присвоении очередных воинских званий и вручение наград, а также ответные речи награжденных.

– А теперь вопросы, – милостиво кивнул Маршал командующему соединением, и тот продублировал его веление залу.

Зал ответил скрипом кресел, тихим покашливанием и полетом жужжащей мухи.

Когда же этот звук затих, там поочередно материализовались назначенные политотделом «дежурные» и огласили заранее подготовленные вопросы.

Все они касались того, что могло понравиться главному стратегу, и он привычно на них ответил.

– Так, еще вопросы? – обвел глазами зал командующий и напрягся.

В третьем ряду, в центре, вверх поднялась рука с четырьмя золотыми нашивками, и вставший представился – капитан 2 ранга Охлобыстин!

Сидевший позади командующего начальник политотдела стал потеть, а его сосед, начальник особого отдела, подозрительно уставился на самозванца.

– Мы вас слушаем, товарищ Охлобыстин, – последовал кивок Маршала, – говорите.

– Я хочу сказать о той несправедливости, в которой находится Военно – Морской Флот, – значительно произнес оратор, и все навестили уши.

– Однако, – покосился Министр на сидящего рядом главкома, и тот беспокойно заворочал шеей.

– Насколько известно всем здесь присутствующим, – невозмутимо продолжал Охлобыстин, – командиры дивизий РВСН базирующихся на суше, по должности являются генералами.

В то же время командиры наших стратегических подводных ракетносцев, не уступающие им по мощи и несущие боевое дежурство у берегов вероятного противника, всего лишь капитаны 1 ранга.

Это несправедливо, товарищ маршал!

В зале наступила грозная тишина, а в заднем ряду под кем-то сломалось кресло.

Озадаченный Министр прозрачно воззрился на Охлобыстина, потом перевел взгляд на Главкома, и тот стал наливать краской.

Дело в том, что этот вопрос уже давно витал в морских штабах, но озвучивать его на высшем уровне никто не решался.

Как и его грозный предшественник, Гречко не питал особой любви к флоту и все, касающееся его, считал второстепенным.

– К-х-м, – сказал Министр, после чего выпил стакан боржома и разродился ответной речью.

Из нее следовало, что Партия и Правительство уделяют особое внимание Флоту, который располагает всем необходимым для решения поставленных перед ним задач, командиры ракетносцев имеют те звания, которые заслуживают, и ни о какой несправедливости не может быть и речи.

– А за прямо поставленный вопрос благодарю, – сказал в завершение Министр. – Можете обращаться ко мне и впредь. Я всегда выслушаю.

Затем действие закончилось, плотно отобедав, высокие гости отбыли в столицу, а над Охлобыстиным стали сгущаться тучи.

Однако гром не грянул.

Спустя некоторое время, в громоздком военном механизме что-то со скрипом провернулось, из Москвы последовал высочайший Указ, и в среде командиров подводных ракетносцев возник первый адмирал.

Данное в подлаве восприняли на «ура», начальство сменило гнев на милость и Охлобыстину присвоили очередное звание.

А он, между тем, размышлял над новой несправедливостью.

Она касалась различия в головных уборах высших и старших офицеров Армии и Военно-Морского Флота.

И если армейские генералы и полковники носили овечьи героикой гражданской войны серебристые папахи, то равные им по званию на флоте, довольствовались почти гражданскими каракулевыми шапками.

– Непорядок, – решил Охлобыстин и обратился, как водится, «по команде».

А когда сверху поступило грозное «отказать», он вспомнил последние слова маршала.

– Ну, на нет и суда нет, – докурив папиросу, воткнул ее Охлобыстин в медь пепельницы и решительно выдвинул из стола верхний ящик.

– Тэ-экс, – положил перед собой лист бумаги и вверх, в центре, аккуратно вывел, «Рапорт».

Далее, сославшись на высочайшее разрешение, он обстоятельно изложил суть проблемы, а поутру, сменившись, отправил свое творение Министру, заказным письмом.

Прошел месяц и Охлобыстина вызвал командующий соединением.

– Так, значит, говоришь папаху? – предложив сесть, открыл он сафьяновую папку.

– Именно так, товарищ адмирал, – последовал ответ. – Они.

– В таком случае ознакомься, – протянулась к нему рука с бумагой, – лично.

Охлобыстин осторожно принял документ – это был его рапорт.

Судя по красному, с входящим номером штемпелем, он прошел регистрацию в Министерстве обороны, а вверх слева, синим карандашом было размашисто начертано «Выдать в порядке исключения папаху. Гречко».

Получил ли ее борец за справедливость, история умалчивает.

Но по прошествии не столь долгого времени, флотские адмиралы и капитаны 1 ранга стали щеголять в весьма модных, нового образца шапках.

Куда до них папахам!

Картина Репина «Приплыли»

Отдав интернациональный долг дружественному Египту, большой противолодочный корабль «Адмирал Зозуля», возвращался в родную базу.

Позади осталась знойная Александрия, впереди ждал родной Североморск и сам Главком ВМФ, лично пожелавший встретить героев.

Размерено текла корабельная вахта, турбины пели свою монотонную песню, счетчик лага исправно отсчитывал пройденные мили.

На подходе к Северному морю корабль попал в сильный шторм и лишился якоря.

Данное, как водится, было занесено в вахтенный журнал, а командир сильно озаботился.

Вернуться в базу с одним якорем было неприлично, а в присутствии грозного Главкома, еще и чревато.

Но, как известно, неразрешимых ситуаций на флоте не бывает, и к командиру был вызван боцман, получивший приказ изготовить из подручных средств новый якорь.

Средств таких, в виде деревянных брусьев, на корабле имелось предостаточно и, вскоре, в одном из его вспомогательных помещений, запели пилы и застучали молотки.

– Давай, давай, шевелись, лишенцы, – расхаживал рядом с умельцами боцман и выдавал то, что на флоте называется «цу».

А спустя сутки, на палубе в районе бака, сиял кузбаслаком новый якорь, практически неотличимый от утопшего.

– Молодец, боцман, хорошо служишь – сказал мичману командир. – Давай вооружай его и в клюз*.

– Есть! – довольно гавкнул и отправился выполнять приказ

Через пару часов, мускульными усилиями десятка крепких рук и словесными – боцмана, муляж красовался на штатном месте, и корабль вновь обрел военно-морскую красоту.

А чтобы якоря не отличались (второй изрядно засолился) его тоже пролачили.

Спустя несколько суток, взыв сиреной, БПК величаво входил на рейд Североморска, где его ждала густая толпа встречающих.

Впереди, на украшенной транспарантами стенке, сам Главком со свитой, похожий в громадной фуражке на мухомора, рядом сияющий медью оркестр и несколько военных корреспондентов с «лейками»*, а позади все остальные, праздничные и с цветами.

Молодца командир, даже якоря сияют, как у кота яйца! – бросил Главком Начпуру* и тот сморщился, поскольку был интеллигентом.

Далее был начат маневр швартовки, и корабль стал плавно подходить к стенке.

В точно назначенное время мегафон рявкнул, – отдать правый носовой! – и в воздухе весело загремели смычки.

Затем с бака последовал неожиданный доклад, – якорь встал!! – и, вслед за этим, подобно фантому, тот возник из пучины.

– Картина Репина «Приплыли», – проблеял в наступившей тишине рубки старпом, а командир встретился глазами со стоящим на причале Главкомом, и ему захотелось в море.

Что было потом, история умалчивает.

Но что-то было. Главкомы не терпят, когда всплывают якоря.

Примечания:

– Клюз – овальное отверстие в борту, через которое проходит якорная цепь.

– «Лейка» – марка немецкого фотоаппарата.

– Начпур – начальник политуправления Флота.

За невестой

Над полярным гарнизоном ночь.

В небе сполохи северного сияния, рассеянный свет фонарей на улицах, тишина.

Скрипя ботинками по снегу, Серега Гладков подошел к высокому крыльцу офицерского общежития, потянул на себя дверь и оказался в полумраке холла.

В нем матово блестел пол, сонно жужжали люминесцентные лампы и скучала дежурная за стойкой.

Кивнув ей, Серега прошел по длинной кишке коридора, остановился у обитой дерматином двери, с привинченной сверху табличкой «35» и зазвенел ключами.

Холостяцкое жилье встретило застарелым табачным запахом, бульканьем горячего пара в трубах и полуночным Гимном радиоточки.

Стянув с головы шапку, а с плеч шинель, Серега определил их в казенный, тоже с номерной биркой шкаф, затем переоделся в спортивный костюм и прошел в крошечный умывальник.

Вместо воды кран выдал сиплое шипенье, и, чертыхнувшись, Гладков потянулся к заранее припасенной трехлитровой банке с водой.

Умывшись и почистив зубы, он разобрал полутора спальную кровать, погасил свет, и, раздевшись, нырнул под одеяло.

Спать не хотелось, в расписанное морозными узорами окно лился лунный свет, и Серега потянулся за лежащими на прикроватной тумбочке сигаретами.

Затем всплеснул огонек зажигалки, Гладков выдул вверх тонкую струю дыма и щелкнул кнопкой блестящего никелем у изголовья, импортного «Грюндига».

Его, после первой автономки, он купил в мурманской «Березке», что б скрашивать такие вот вечера одиночества.

Стерео чудо вкрадчиво выдало «Одиного пастуха» Джеймса Ласта, и Сереге стало грустно.

Воскресный вечер он провел в гостях у приятеля Валеры Шадрина, где были еще два их одноклассника. Все с молодыми женами и вполне довольные жизнью.

Был отличный домашний стол, один за другим провозглашались тосты, веселье лилось через край.

Затем пели под гитару, супружеские пары танцевали, а Серега им завидовал.

Его приятели бракосочетались еще во время учебы, приехав в гарнизон с женами, поочередно обзавелись квартирами, а Валерка даже произвел на свет наследника.

Гладков же остался холостяком, завис в офицерском общежитии и влачил жалкое существование.

Ему до чертиков надоели холостяцкие завтраки, обеды и ужины, казенный интерьер номера и его вечерняя пустота.

– Все на хрен, женюсь, – сказал Серега стоящему в углу шкафу, после чего ткнул в пепельницу сигарету и поплотнее укутался в одеяло.

Ночью ему снились Джеймс Ласт, овцы и почему-то пастушка. На следующее утро, после политзанятий, вернувшись в дивизионный отдел, Гладков постучал в кабинет начальника и решительно переступил порог.

– Здравия желаю, товарищ капитан 2 ранга, – подойдя к заваленному бумагами столу, бодро произнес он.

– И тебе не хворать, – просматривая очередную, кивнул тот. – Присаживайся, с чем пожаловал?

– Прощу дать мне недельный отпуск. За свой счет, – усевшись на стул, «взял быка за рога», Серега.

– Недельный отпуск это хорошо, – исполнив очередную резолюцию, мечтательно протянул начальник. – А с какого такого перепугу?

– Ни с какого, – наклонился к начальнику Серега. – Хочу съездить на родину, Алексей Степанович, жениться.

– Кх-м, – с интересом воззрился на него капитан 2 ранга. – Так сразу?

– Ну да, а чего тянуть? У нас все женатые, а я нет.

– Надоела, значит, холостяцкая жизнь?

– Надоела, – вздохнул Серега, – хочется домашнего уюта.

– Ну что ж, причина уважительная, давай, поезжай, – полистав настольный календарь, сказал начальник. – А в следующий понедельник, что б был на службе.

– Есть! – радостно пробасил Серега. – Разрешите быть свободным?

– Будь, – последовал ответ, и Гладков направился к двери.

Зайдя в свой кабинет, который он делил со Шадринным, Серега сообщил приятелю о принятом решении, и тот отнесся к известию с пониманием.

– Давно пора, – солидно изрек Валерка. – Семья, как известно, ячейка общества. Кстати, а кто невеста?

– Ее у меня пока нету, – открыв сейф, извлек из него пачку купюр и сунул ее в карман Серега.

– ?!

– Ну да, пока, – многозначительно поднял палец вверх Гладков. – Но будет. В самое ближайшее время.

После этого, распрощавшись с приятелем и оставив его в неведении, Серега направил свои стопы в поселок.

Там он для начала посетил кассу аэрофлота и приобрел билет на ночной рейс до Архангельска, а затем общежитие, где переоблачился в парадно-выходную форму, дополнив ее белым шерстяным шарфом и щегольской, с золотым крабом мичманкой.

– КрасавЕц! – похвалил он себя, поглядев в зеркало, после чего прихватил дорожный кофр, и, покинув приют холостяков, монолитно зашагал в сторону морпричала.

На дворе чувствовалась весна, с крыш капало, в заливе орали чайки.

Спустя час, белоснежная рейсовая «Комета» доставила Гладкова в числе немногочисленных пассажиров в Мурманский морской порт, откуда, на такси, он проследовал в «Березку».

Там предстояло купить подарки единственному для Сереги родному человеку, каковым являлась его тетка по линии отца, Варвара Марковна.

Родители Гладкова погибли на лесосплаве, когда ему было пять лет, одинокая тетка взяла его к себе и воспитала как сына.

Потом были служба на флоте и учеба.

Все это время они состояли в переписке, а став офицером, Серега регулярно слал Варваре Марковне денежные переводы и изредка наезжал в гости.

В последний раз он был у нее пару лет назад, и тетка предлагала высватать племяннику невесту.

– Возьмешь нашу, поморскую, – певуче говорила она. – Оне лучше городских, надежнее.

Тогда Серега только посмеялся, а затем понял – все правда.

Еще во время учебы в Москве у него была девушка. Сначала они встречались, и дело шло к свадьбе, а затем, когда Гладкова распределили в Заполярье, любовь растаяла как дым.

Затем была еще одна, с которой Серега познакомился, отдыхая после похода в военном санатории в Крыму, и история повторилась.

– Права ты была, Марковна ох как права, – пробормотал Серега, глядя в лобовое стекло несущейся по проспекту «Волги».

– Чего? – не понял его таксист.

– Да это я так, мысли вслух, не обращай внимания.

«Березка» встретила несколькими болтающимися у входа фарцовщиками, важно дефилирующими по ее залам покупателями и обилием импортных товаров.

Для начала Гладков купил тетке шикарного вида пуховую шаль, пару металлических банок цейлонского чая, три бутылки рому и две коньяка (Марковна любила пунш по северному), к этому присовокупил несколько палок финской «салями» и красный шар швейцарского сыра, после чего расплатился чеками и загрузил все в кофр.

Далее он перешел в ювелирный отдел, где приобрел обручальные кольца – себе, предварительно померив, и невесте, выяснив, что размер при необходимости можно поменять.

Затем, с чувством выполненного долга, Серега оставил магазин, сел в ожидавшее его такси, и оно понеслось в сторону аэропорта.

На город опускались сумерки, в небе зажигались первые звезды.

Затем были несколько часов ожидания, ночной полет под убаюкивающее гудение турбин воздушного лайнера и посадка в Архангельске ранним утром.

– Ну, здравствуй, родина, – сказал Серега, спустившись по трапу, и с удовольствием вдохнул морозный воздух.

Добравшись до городского автовокзала, он нашел на табло с расписанием знакомый районный центр, купил в кассе билет и, до отхода автобуса, решил выпить кофе в уже работающем буфете.

– А может чего покрепче, товарищ старший лейтенант? – оценивающе оглядев рослую фигуру офицера, – заиграла глазами разбитная буфетчица.

– Рано, – подмигнул ей Серега, и, расплатившись, отошел к стоящему у окна столику.

Кофе был крепким и горячим, за стеклом рождалась алая заря, а в душе ширилась и росла надежда.

Поездка до располагавшегося в нижнем течении Северной Двины райцентра заняла ровно час, и когда мартовское солнце выкатилось из-за верхушек сосен, Гладков стоял на его центральной улице.

За прошедшие два года, здесь ничего не изменилось.

Напротив, через дорогу, монументально высилось рубленое, с красным флагом, здание райисполкома, рядом с ним белел афишами клуб и располагалась чайная, а далее тянулась череда с высокими крышами изб, над которыми в небо поднимались белесые столбы дыма.

Изредка проходящие по деревянным тротуарам местные жители с интересом поглядывали на Серегу, кивали ему как знакомому, и он им отвечал, – здравствуйте.

Теперь предстояла последняя часть пути, и, подхватив кофр, Гладков направился в сторону чайной.

Рядом с ней, с философским видом, стоял запряженный в розвальни мерин, а чуть дальше выдавший виды «ЗИЛ», с затянутым тентом кузовом.

В чайной витал свежий запах пива, на обитой жестью стойке парил здоровенный, надранный до зеркального блеска самовар, краснощекая буфетчица что-то щелкала на счетах, а за одним из столиков неспешно прихлебывали из кружек и закусывали вяленой рыбой два молодых парня и кражистый, с бородой старик, в расстегнутом полушубке.

– Привет честной компании! – подойдя к ним, сказал Серега.

– Здорово, паря, – солидно кивнул старик, и парни сделали то же самое.

Далее Гладков назвал тетчину деревню, которая была в пяти километрах от райцентра, и поинтересовался, не едет ли кто в ту сторону.

– Не, командир, мы в другую, – сказал старший из парней, и младший звонко повторил, – в другую.

– Ну, а ты, отец? – обратился Серега к деду, который в очередной раз приложился к кружке.

Тот неспешно ее опорожнил, довольно крикнул, и, огладив бороду, прогудел, – еду.

Спустя несколько минут они вышли из чайной, Егор Захарыч, так звали старика, – проверил упряжь, и сани, с устроившимся позади Гладковым, плавно тронулись в путь.

– А ты СЕргий, ежели не секрет, к кому? – поинтересовался на выезде из райцентра Захарыч и звонко чмокнул губами, – но, Ларька!

– К Гладковой, Варваре Марковне – поудобнее устраиваясь на застланном полостью сене, и, с удовольствием вдыхая запах тянувшегося по сторонам хвойного бора, – ответил Серега.

– Знаю такую, – кивнул треухом дед. – Она работала у нас в леспромхозе, нормировщицей. Так ты ей сын?

– Ага, – сдвинул на затылок мичманку Серега. – Вот, приехал на побывку, – и стал жевать вытянутую из сена травинку.

– На побывку, это хорошо, – одобрительно изрек Захарыч. – Сам служил, понимаю..

Затем он сообщил, что в войну оттрубил на флоте целых семь лет, потом ловил рыбу и валил лес, а теперь на пенсии.

– А чего без жонки, али холостяк? – снова чмокнув на Ларьку, обернулся дед к Гладкову.

– Вот за ней и еду, тетка обещала засватать, – подмигнул ему Серега. – Как, есть тут у вас девки?

– Этого добра хватат, – утвердительно кивнул Захарыч. – И все красивые, лярвы, так бы сам и жанился.

– Так в чем вопрос? Дед ты видный. Женись.

– Жанилка уже не та, поистерлась, – басовито хохотнул Захарыч, и Ларька тревожно запрядал ушами.

А солнце между тем, поднималось к зениту, с высоких сосен изредка срывался подтаявший снег, где-то далеко рас

сыпал дробную трель дятел.

Миновав бор, они переехали по деревянному мосту небольшую, с проталинами на синем льду речку, и, через километр, оказались на широкой лесной развилке.

– Ну, теперь, мне прямо, а тебе СЕргий, направо, – ткнул рукавицей дед в сторону более узкой, расчищенной грейдером дороги, и Гладков выбрался из розвальней.

– Благодарствую, Егор Захарыч, – отряхнув шинель, сказал он, и, вынув из кармана, протянул возчику новенькую пятерку.

– Со своих не берем, – отрицательно замотал тот головой. – Негоже.

– Ну, в таком случае, прими это, – и Гладков вручил деду, извлеченную из кофра черную бутылку.

– Никак заморская? – поднес тот посудину к глазам.

– Ром, – последовал ответ. – Выпьешь за мое здоровье.

Затем они душевно распрощались, сани исчезли в блестящем мареве, а Серега пошагал в сторону деревни.

Она открылась спустя полчаса в низине, на берегу залива, и Серега с удовольствием обозрел окрестности.

Синие леса тянулись до самого горизонта, в туманной дымке проглядывалась река, и над всем этим, голубело небо.

– Красота! – сказал Серега, и, оскальзываясь, стал спускаться к деревне.

Была она небольшая, в несколько порядков изб, но со своим собственным «сельпо» и сельсоветом.

Пятистенок тетки, срубленный еще дедом, стоял в начале улицы и весело глядел из окон розовыми геранями.

Сергея отворил знакомо скрипнувшую навесами калитку в шатровых воротах, миновал широкий ухоженный двор, поднялся на высокое крыльцо и потянул на себя кованую скобу двери.

Затем прошел по мосту ко второй, толкнул ее, и, нагнувшись, вошел внутрь.

– Ктой там? – послышалось из горницы, и в высоком проеме появилась Варвара Марковна

– Ахти мне, Сережа! – на миг остолбенев, всплеснула она руками, и в следующую секунду племянник и тетка радостно обнимали друг друга.

– Как же это ты? – блестя влажными глазами, гладила его руками по щекам тетка. – Хотя бы телеграмму дал, я б встретила.

– Не хотел беспокоить, Марковна, – прочувственно сопел Серега. – Да и от райцентра до вас рукой подать. Какие мои годы?

– Ну, снимай, снимай шинелю и картуз, – засуетилась Марковна. – Поди оголодал в дороге? Я щас.

Чуть позже они сидели за столом в горнице, и обряженная в новую шаль тетка, радушно потчевала гостя.

– Вкусно, – гудел Серега, пропуская очередную рюмку, и отдавая дань поджаренной на сале глазунье, свежему, из трески рыбнику, и всевозможным, расставленным на льняной скатерти соленьям.

Потом они пили чай, из старинного, с медалями самовара, раскрасневшаяся от пунша тетка рассказывала деревенские новости, а Серега внимательно слушал и дымил сигаретой.

– А как Тая Соболева, не вышла замуж? – поинтересовался он, когда Марковна решила передохнуть, и та отрицательно покачала головой, – не вышла.

– Ну, вот и хорошо, – загасил сигарету в пепельнице Серега. – Ты мне ее засватай.

– ?!

– Ну да, – мотнул смоляным чубом Серега. – Я затем и приехал. Помнишь, обещала?

– Помню, – улыбнулась тетка. – Все-таки решился?

– А чего тянуть? Я человек военный. Только сначала я сам с ней поговорю, ну, а потом ты, Марковна, с родителями.

Как скажешь, батюшка, – расцвела старуха, и они вполне остались довольными друг другом.

Таю Серега знал с детства, она была пятью годами моложе, в школе и на улице почти не обращал на пигалицу внимания, а в последний свой приезд едва узнал, так она расцвела и похорошела.

Затем были несколько встреч, и они съездили в райцентр на танцы, а вскоре Гладкова срочно отозвали из отпуска, и все закончилось.

Спустя час, переодевшись, Серега натаскал воды и затопил баню, а когда вечерние сумерки опустились на деревню, захватив бутылку коньяка, при полном параде отправился в гости к Соболевым.

Встречен он там был, как и ожидалось, с почетом, а через некоторое время, они с Таей прогуливались по залитой лунным светом, березовой роще на берегу.

Под ногами скрипел тонкий наст, на кружеве ветвей блестел иней, где-то на другом конце деревни, залиvisto играла хромка.

– Хорошо тут у вас, – прислушавшись, сказал Серега.

– Хорошо, – эхом отозвалась Тая.

– А я, между прочим, приехал за тобой, – заглянув в глаза, взял он ее за руку.

– Как это?

– Да очень просто, люблю, выходи за меня замуж?

В следующее мгновенье их накрыло сорвавшееся с березы снежное облако, а вверху хрустально зазвенели ветви.

– Чувствуешь? Даже природа «за», – тряхнул головой Серега. – Ну, так как, пойдешь, а Тая?

– Ну, если и природа, то пойду, – последовал ответ, и они весело рассмеялись.

А на следующее утро было сватовство.

Принаряженная Варвара Марковна посетила родителей Таи и получила их согласие.

Свадьбу решили играть в пятницу, а молодых расписать в сельсовете.

Два дня прошли в делах и заботах: оба дома готовили к торжеству, варили брагу, жарили и парили.

На «Ниве» друга детства Мишки Емельянова, Серега с Таем съездили в Архангельск, где Гладков купил ей подвенечное платье и фату, а в райцентре приобрел три ящика водки и два вина, для увеселения.

День в пятницу выдался солнечный и погожий, в назначенное время у дома Марковны собрались празднично одетые гости, а Серега с «друзьями», направился к дому невесты.

У него, как водится, ее подругам был вручен «выкуп», деревенская ребятня оделена конфетами, а потом все, во главе с женихом и невестой, пешком двинулись в сельсовет, благо он находился рядом.

Там его председатель, по такому случаю обряженный в костюм и галстук, учинил в бумагах соответствующие записи, приклепнув их гербовой печатью, после чего молодые обменялись кольцами и выслушали его поздравления.

Свадьба длилась два дня. Поначалу в доме Марковны, а потом у тестя.

Пели хором, веселились, да так, что порвали две гармошки и проломили половицу в горнице.

На утро третьего, простившись с родней, молодая чета отбыла к месту службы Сереги.

Там ее ждал сюрприз.

Старший оперуполномоченный Веня Дятчик был переведен «направленцем» в Североморск, и начальник вручил Гладкову ключи от освободившейся квартиры.

– Везет тебе, однако, – сказал Сереге Валера Шадрин, когда он проставлялся по этому поводу. – За одну неделю и жена, и квартира.

– Так получилось, – улыбнулся тот, и они сдвинули стаканы.

А спустя месяц Гладков уходил в очередную автономку.

В голубой дымке таяли скалистые берега, где его впервые ждали.

Парни с «Хиросимы»

– Команде Милованова выйти наверх для построения на пирсе! – метплически пробубнил по отсекам «каштан», и, спустя пять минут, натянув ватники, мы переминаемся в шеренгах, вдоль черного борта ракетноносца.

Пару месяцев назад мы прибыли из атомного учебного центра на 3 флотилию ракетных подводных крейсеров стратегического назначения в Гаджиево, откуда, после стажировки, должны убыть в Северодвинск для испытаний и приемки корабля нового поколения.

Сейчас же временно обретаемся в одной из береговых казарм, и только что пришли с очередной отработки в море, в составе экипажа однотипной лодки.

– Значит так, – обращается к строю, стоящий перед нами помощник. – Сейчас все следуем в казарму, забираем вещи, после чего переселяемся в другую. И называет номер.

Все рады такому сообщению, поскольку в той, где мы живем, собачий холод, перебой с водой, и она явно нуждается в ремонте.

– Там, в смежном кубрике, живут несколько моряков с «К-19», – продолжает помощник, хмуро обводя нас взглядом. – Относиться к ним уважительно, и с расспросами не приставать. Ясно?

– Ясно, – шелестит вдоль строя, и мы тоже хмуримся.

Названный им ракетный крейсер 1-го поколения, окрещенный моряками «Хиросимой», не так давно вернувшийся из Северодвинска после очередного ремонта, стоит на одном из дальних пирсов и имеет мрачную историю.

В начале 60-х, во время учений «Полярный круг», на нем едва не взорвался реактор, и от переоблучения погибли четырнадцать моряков, в 1969 крейсер столкнулся под водой со следившей за ним американской субмариной, а в феврале этого года, во время боевой службы в Северной Атлантике, на нем заживо сгорели двадцать восемь членов экипажа.

– Ну, а если ясно, то вперед. Юркин, води строй.

Стоящий на правом фланге старшина 1 статьи Жора Юркин выходит из шеренги, затем следует команда, и мы шаркаем подошвами в сторону контрольно-дозиметрического пункта.

Далее следует переодевание в здании санпропускника, после чего, облаченные в черные бушлаты и бескозырки, мы покидаем режимную зону и направляемся в сторону казарменного городка.

На дворе осень, в небе клубятся облака, скоро зима.

Спустя полчаса, навьюченные вещмешками, свернутыми матрацами и прочим скарбом, мы поднимаемся на четвертый этаж новой казармы.

Она выгодно отличается от старой, что радует.

В двух просторных, расположенных по обе стороны центрального прохода кубриках, ряды двухъярусных кроватей, (несколько слева аккуратно застланы синими шерстяными одеялами) далее ленкомната и офицерские каюты, а в противоположном конце помещения бытового назначения.

– Наш правый, – говорит Жора, после чего мы шмякаем матрацы на кровати и привычно обустройстваемся.

– Лепота! – покачавшись на пружинной сетке, – басит сибиряк Вовка Кондратьев и щупает рукой одну из батарей парового отопления – она теплая.

Соседи появляются вечером, когда, вернувшись с лодки, мы занимаемся по интересам.

Их шестеро, все седые и с орденами «Красной Звезды» на форменках.

– Ни хрена себе, – тихо протягивает кто-то из наших, а «козлисты» прекращают очередную партию.

– Чего вы ребята? Играйте, – кивает нам один из вошедших, и парни следуют в свой кубрик.

В воздухе возникает напряженная тишина, потом игра возобновляется, а часть из наших срочно отправляется в умывальник.

– Это наверно те, что были в десятом, – потянув из пачки «Приму», пускает ее по кругу Жора.

– Скорее всего, – говорит Витька Лебедев, и все закуривают.

Когда на «Хиросиме» выгорели девятый и восьмой отсеки, находившихся в десятом тоже посчитали погибшими.

Затем, по штормовой Атлантике, обездвиженную лодку почти месяц буксировали в Североморск, и все это время, в концевом отсеке, в крошечном мраке и холоде, практически без пищи и воды, находились двенадцать подводников. Они несли вахту и обеспечивали его живучесть.

– А чего их всего шестеро? – интересуется кто-то из ребят. – И не в составе экипажа?

– Наверное, после госпиталя, – делает предположение Серега Осмачко. – Видок у них еще тот.

– Слышь, Жор, – обращается к Юркину Славка Гордеев. – А может того, пойдем с ними пообщаемся? Ну, мол, что и как?

– Отставить, – досаживает старшина бычок. – Слышали, что сказал помоха?

– Точно, – поддерживает Юркина Серега Корунский. – С такими вопросами в душу лучше не лезть. Не тот случай.

С этого момента в кубрике становится тихо, рано утром мы уходим на лодку, а когда возвращаемся, стараемся не беспокоить соседей.

Они же держатся особняком, общаются только между собой и в основном молчат.

В один из таких вечеров мы собираемся небольшой компанией в баталерке.

За темным окном пелена дождя, далеко в заливе всплескивает створный знак, скучно.

Трое из нас вяло перебрасываются в подкидного, Серега Антоненко пишет письмо на родину, а я, усевшись на подоконник, лениво перебираю струны экипажной гитары.

Внезапно неплотно прикрытая дверь открывается, и в проеме возникает один из наших соседей.

Сначала он отрешенно оглядывает собравшихся, потом делает несколько шагов вперед и протягивает мне руку, – дай!

Несколько озадачено я передаю ему гитару, кто-то из ребят подвигает гостью «банку» и, усевшись на нее, парень чуть подстраивает инструмент.

Потом звенят несколько вступительных аккордов, и в воздухе рождается песня.

Автономке конец, путь на базу, домой,
Тихо лодку глубины качают,
Спит девятый отсек, спит девятый жилой,
Только вахтенный глаз не смыкает!

четко рубя слова, поет старший матрос, и мы переглядываемся.

Что он думал тогда, может, дом вспоминал,
Мать, друзей или очи любимой,
Только запах чужой те мечты разогнал,
Что такое? Несет вроде дымом.

слова незнакомы, но мы уже понимаем, о чем она, и все напрягаются

Доложить – ерунда, не уйдет никуда,
И в центральном ведь люди – не боги,
Поздно, пламя ревет, не успел, душу рвет
Перезвон аварийной тревоги!

песня захватывает, по коже бегут мурашки, и мы представляем тот ад, в который превратился корабль

И кто спал и лежал, или вахту стоял,
По постам боевым разбежались,
А в девятом, кто встал, кто услышал сигнал,
За себя и за лодку сражались!

мрачным набатом резонирует гитара и пред глазами борьба за живучесть

Ну а кто не проснулся, уснул навсегда,
Не почувствовав, как умирают,
Что за миг до конца, им приснился тогда,
То никто, никогда не узнает!

Ну а дым все валит, больше нет уже сил,
Гидравлические рвутся трубы,
Страх и смерть в переборке восьмого открыл,
Путь огню, смерть и новые трупы!

Дан в отсек ВПЛ*, но огонь не поник,
И спасенье теперь в десятом,
Сквозь удары туда лишь доносится крик:
Что ж вы держите, сволочи, гады?!

Отзывается сердце на каждый удар,
Рядом гибнут свои же ребята,
И открыть бы, да нет, смерть войдет и сюда,
И седеют от криков в десятом!

на этих строках всем становится не по себе, а исполнитель сбавляет темп.

Тишина. Нет страшнее такой тишины,
Смирно! Скиньте пилотки живые,
Двадцать восемь парней без вины, без войны
Жизнь отдали, чтоб жили другие.

Встаньте все, кто сейчас водку пьет и поет,
Замолчите и выпейте стоя,
Наш подводный, ракетный, наш атомный флот,
Отдает дань погибшим героям!

После этих слов мы, не сговариваясь, встаем и замечаем, что за открытой дверью молча стоят все наши.

– Сильно, – нарушает спустя минуту, тишину Жора. – Вы написали?

– Нет, – следует отрицательный кивок, – не мы.

– Слова перепишешь?

– Как-нибудь потом, – возвращает мне гитару старший матрос, и стоящие за дверью расступаются.

Потом мы уходим на очередную отработку в море, а когда возвращаемся, соседний кубрик пуст.

А на одной из тумбочек белеет листок. Со словами той самой песни.

Кто ее написал, неизвестно до сих пор.

Но на Северном флоте песню помнят, как и тех ребят, с «К-19».

Примечание: ВПЛ – лодочная система пожаротушения.

И съели Кука

Майские лучи солнца отвесно падают с неба, серебрят ультрамариновую синь залива и пляшут зайчиками в стеклах открытых окон.

С сопки почти сошел снег, и они окрасились первой зеленью.

Сегодня суббота, в казарме закончена большая приборка, и мы с чувством выполненного долга предаемся заслуженному отдыху.

Не хватайтесь за чужие талии,
Вырвавшись из рук своих подруг.
Вспомните, как к берегам Австралии,
Подплывал покойный ныне Кук...

бодро хрипит голосом Высоцкого экипажная «Комета», а на надраенном до зеркального блеска паркете, радиометрист Вовка Кокуйский и штурманский электрик Серега Антоненко, сунув руки в карманы роб и сделав рожи ящиком, в такт словам, отбивают чечетку.

– Давай, запыхивай! – радостно орут многочисленные зрители и тоже притоптывают ногами.

Впрочем, это делают не все.

На подоконнике, рядом с «Кометой», сидят два наших философа – Славка Гордеев и Леха Крылов, и внимательно слушают. Оба, прежде чем попасть на флот, учились в институтах, откуда Славку вышибли за пьянки, а Леху за неуспеваемость.

Здесь же, на банке, пристроился молодой матрос Мишка Лямин, имеющий кличку «Годок», недавно прибывший на лодку из учебного отряда.

Мишка родом из глухой сибирской деревни, весьма почитает Высоцкого и склонен всему верить.

Как в кружок, усевшись под азалией,
Поедом с восхода до зари,
Ели в этой солнечной Австралии
Друга дружку злые дикари...

выдает очередной куплет бард, и философы изображают работу мысли.

– Во суки, че делали, своих ели, – сокрушенно вздыхает Славка.

– Им белка не хватало, а он в мясе, – солидно изрекает Леха, и приятели слушают дальше.

Лямин молча сопит носом, проникается важностью сказанного и с уважением взирает на старших.

Но почему аборигены съели Кука?
За что? Неясно, молчит наука.
Мне представляется совсем простая штука —
Хотели кушать и съели Кука...

– А кто такой Кук? – интересуется удобно расположившийся на одной из стоящих рядом коек, экипажный обжора Витька Чепурных, по кличке «Желудок», меланхолично уничтожающий пачку галет и сыто рыгает.

– Кук, это великий английский мореплаватель, тундра, – многозначительно поднимает вверх палец Славка. – Дай галету.

– Нету, – вздыхает Желудок и запихивает в рот последнюю.

...Есть вариант, что ихний вождь Большая Бука,
Кричал, что очень вкусный кок на судне Кука,
Ошибка вышла, вот о чем молчит наука,
Хотели кока, а съели Кука.

– Попробовали бы они нашего кокшу сожрать, – ухмыляется Славка, и все четверо смотрят в дальний угол кубрика.

Там, белея мощным, изукрашенным наколками торсом, лодочный кок Саня Абрамов, в кругу нескольких почитателей, без видимых усилий жонглирует двухпудовой гирей. Нос у Сани перебит, башка бритая, форменный бандит.

– Да, нашего сложно, – чешет затылок Леха, и приятели смеются.

Потом бард живописует способы и другие возможные причины умерщвления великого мореплавателя дикарями, и все внимают.

Что б не было подвоха или трюка,
Вошли без стука, почти без звука,
Пустили в действие дубинку из бамбука,
Тюк прямо в темя и нету Кука.

Но есть, однако же, еще предположение,
Что Кука съели из большого уваженья.
Что всех науськивал колдун, хитрец и злюка,
Ату, ребята, хватайте Кука.

Кто уплетет его без соли и без лука,
Тот сильным, смелым, добрым будет, вроде Кука.
Кому-то под руку попался каменюка,
Метнул, гадюка, и нету Кука.

А дикари теперь заламывают руки,
Ломают копья, ломают луки,
Сожгли и бросили дубинки из бамбука.
Переживают, что съели Кука.

– М-да, – клевые песни у Высоцкого, одно слово, талант, – значительно говорит Славка, когда звучит заключительный аккорд, и Леха согласно кивает, – а то!

– Вот бы закантачить с ним и получить автограф, – мечтательно тянет Годок, – такой интересный человек.

Славка с Лехой переглядываются, и у них одновременно возникает мысль разыграть молодого.

– А ты че, разве не в курсе, что брат Высоцкого служит у нас на лодке? – с невинным видом заявляет Славка и незаметно подмигивает Желудку, что б молчал.

– ?!

– Ну да, – поддерживает приятеля Леха, – служит.

– Так это старший лейтенант Высоцкий? – делает круглые глаза Годок и кивает в сторону офицерского коридора (старший лейтенант заступил с утра обеспечивающим, и припущает у себя в каюте).

– А чего тут удивительного? – сладко зевает Желудок. – У Славки вон, батька генерал, а он тоже у нас служит. – Диалектика.

Отец у Гордеева действительно генерал, и именно он определил свое чадо в подплав, для перевоспитания.

– Так что, Миня, – хлопает Леха по плечу Годка, – можешь смело топать к старшему лейтенанту, пусть сведет с братом.

– Как это? – морщит тот лоб и недоверчиво косится на сослуживцев.

– Да очень просто, – наклоняется к парню Леха. – Постучишь в каюту, представишься, так, мол, и так, я почитатель вашего брата. Не дадите ли адресок, что б списаться и получить автограф?

– А он меня того, не пошлет? – чешет в затылке Лямин. – Это вам ни хухры – мухры, сам Высоцкий.

– Не, не пошлет, – уверенно заявляют философы. – Он добрый. Так что, давай, топай.

Пару минут Лямин колеблется, затем встает с банки и направляется к своей тумбочке.

Потом открывает дверцу и поочередно извлекает оттуда шариковую ручку и тетрадь.

– Давай, давай, не дрейфь, ты ж подводник – подбадривают его Гордеев с Крыловым, а Желудок громко икает и думает чего бы еще пожрать.

«Годок» проникается чувством собственного достоинства, решительно направляется в сторону высокого проема кубрика, затем следует по затемненному коридору и останавливается перед нужной дверью.

– Тук-тук-тук, – осторожно в нее стучит и, дождавшись ответа, входит.

– Чего тебе? – лениво поворачивает к нему голову от мерцающего экрана «Спутника», полулежащий на койке обеспечивающий.

Настроение у него лирическое, завтра выходной и можно сгонять в Мурманск повеселиться, в связи с чем, сегодня Высоцкий добрый.

– Я поклонник вашего брата, товарищ старший лейтенант! – сделав шаг вперед, значительно изрекает Лямин. – И если можно, хотел бы узнать его адрес, чтоб получить автограф.

– Поклонник говоришь? Ну-ну, – с интересом взирает на посетителя старлей. – Давай, пиши адрес.

– Шевеля губами и потя от радости, матрос аккуратно записывает.

– Прочти, что написал.

– Москва, театр на Таганке, артисту Высоцкому, – с восторгом шепчет тот.

– Молодца, – хитро шуруется «брат», а кто тебе это посоветовал?

– Гордеев с Крыловым, – довольно гудит Лямин. – Сходи, говорят, к товарищу старшему лейтенанту, он добрый.

На следующий день, получив по наряду вне очереди, «философы» драят трюм в восьмом отсеке.

– Ну и деревня, этот Лямин, – пыхтит Гордеев. – Шутки не понимает.

Дорога на Вьюжный

На разрисованном морозом стекле перистые узоры, в углу кабинета, на раскаленной лодочной грелке побулькивает и исходит душистым паром фарфоровый чайник, а на свободном столе (его хозяин в автономке), на расстеленной газете благоухает десяток пирожков с мясом, только что доставленных дневальным из матросского кафе.

– Так, щас дернем чифирку, отпишемся и «море на замок», – довольно потирает руки Мариоз Галимыч, вскрыв сейф и брякнув на стол «литерное» дело.

Мы с ним только что вернулись с «объектов», Габидулин с Сайда-губы, а я из гарнизонного поселка и изрядно продрогли.

Когда, немного подкрепившись, мы прихлебываем обжигающий напиток, сопровождая действие глубокими затяжками беломора, на моем столе звонит телефон, и я снимаю трубку.

– Как дела? – возникает в ней голос дежурного по флотилийскому отделу, моего однокашника Валеры Шабрина.

– Дела у прокурора, – отвечаю я. – У меня делишки.

– Понял, – отвечает Валера. – Давай их в сейф и срочно к Василию Ефимычу.

– Озадачили? – интересуется Габидулин, выдувая вверх тонкую струйку дыма.

– Вроде того, – опускаю трубку на рычаг. – Адмирал зачем-то вызывает.

– Озадачит, – философски изрекает капитан 3 ранга. – Давай, топай, он ждать не любит.

Спустя минуту, нахлобучив на голову шапку, я сбегая вниз по широкому трапу казармы, пихаю от себя заиндевелую, с пружиной дверь и выхожу наружу.

Легкие наполняются морозным воздухом, и, скрипя по свежему снегу, я топаю в сторону Особого отдела флотилии.

Он чуть сбоку от казарменного городка, в белом здании на берегу залива.

Взбежав на широкое крыльцо, с лежащим перед дверью резиновым ковриком, я шаркаю по нему ногами, вхожу в небольшую прихожую и давлю висящую на стене кнопку.

Внутри хрюкает ревун, потом щелкает автоматический замок, и я оказываюсь внутри.

Стоящий у входа матрос охраны со штыком на поясе бодро козыряет, я в ответ, и направляюсь к комнате дежурного.

За ее проемом навстречу поднимается Шабрин, мыжимаем друг другу руки, и я киваю в конец длинного коридора, – как настроение?

– Вполне, – улыбается Валера. – Я бы даже сказал, благодушное.

Проследовав по длинной ковровой дорожке, окаймленной с боков двумя рядами дверей с табличками, я ступаю в расположенный в торце темный тамбур, стучу костяшками пальцев в отделанную шпоном дверь и, со словами «прошу разрешения», вхожу внутрь.

Навстречу мягкий свет жужжащих под потолком плафонов, громадный портрет «Железного Феликса» на стене, и под ним массивная фигура начальника.

– Присаживайся – кивает он на приставной стол, и мыжимаем друг другу руки.

Василия Ефимовича я знаю давно, еще когда служил срочную на одной из лодок флотилии и он направлял меня на учебу, а потом, будучи в Москве, пригласил к себе на службу.

– Как идет подготовка к выходу? – отложив в сторону какой-то талмуд, интересуется начальник, и я обстоятельно докладываю.

– Ну-ну, – благодушно гудит он, – давай, готовься.

Через месяц у меня выход на боевую службу, и я «подчищаю» все береговые дела.

Затем Василий Ефимович наклоняется, выдвигает ящик в одной из тумб стола и на свет появляются сложенный в несколько раз крейсерский военно-морской флаг и офицерский кортик.

– У меня к тебе просьба, – чуть выдвигает клинок из ножен, и снова вщелкивает его на место. – Сегодня во Вьюжном мой старинный друг, полковник Колосков, отмечает перевод в Москву. А у нас, как на грех, вечером совещание у командующего. Навести его и передай мои поздравления, а заодно и эти сувениры, добро?

– Нет вопросов, – отвечаю я, после чего адмирал помещает подарки в специально приготовленную коробку и передает мне.

– Поедешь с Огневом, на грузовом ГАЗе, – добавляет он. – И возьми пистолет, на всякий случай.

– Есть, – поднимаюсь я со своего места. – Разрешите идти?

– Давай, – кивает Василий Ефимович, и я направляюсь к выходу.

Спустя полчаса, недавно полученный отделом новенький ГАЗ-66 с крытым тентом отъезжает от отдела и рулит в сторону опоясывающего базу серпантина. На землю опускаются ранние сумерки.

– За час доедем? – закуривая я папиросу и протягиваю пачку водителю.

– Должны, – тянет тот оттуда пальцами вторую и прибавляет газу.

Натужно ревя мотором, грузовик взбирается на серпантин, слева, внизу, проплывает режимная зона с парящим от холода заливом и застывшими у пирсов черными телами ракетноосцев.

Потом мы спускаемся в окаймленную причудливо изогнутыми полярными березками и кустарником распадок, в центре которого замерзшее озерцо, водитель врубает очередную передачу и ГАЗ, завывая, берет очередной подъем.

За ним, в обширной, окаймленной сопками долине, раскинулся гарнизонный поселок со скальным плато и заснеженными пятиэтажками, и полого уходящая вверх, накатанная дорога, сливающаяся с горизонтом.

На въездном КПП я предъявляю укутанному в тулуп матросу служебное удостоверение, то машет рукой, и второй поднимает шлагбаум.

– Погнали наши городских, – довольно ухмыляется Огнев, и грузовик, плавно набирая ход, катит в белое безмолвие.

Оно открывается сразу, поражает своей безмерностью и мрачной красотой мироздания.

Я протягиваю руку к закрепленной на панели старенькой, в кожаном чехле «Селге», щелкаю колесиком и кабину наполняет тихая мелодия.

Мне не забыцца песні той даўняе вясны:
На мурамскай дарожцы стаялі тры сасны.
Цяпер магу прызнацца – тады пачаў кахаць,
Цябе з ніякай кветкай не мог я параўнаць.

под серебряные переборы гитар поют молодые голоса и безмолвие исчезает.

Кругом белые искрящиеся просторы, со все темнеющим вверху небом, первые, едва заметные звезды в вышине и очарование прекрасной музыки.

– Хорошо поют, – вздыхает Огнев. – Душевно.

– Хорошо, – соглашаюсь я, и мы слушаем дальше.

Разница в возрасте у нас лет семь и восприятие, по-видимому, одинаковое. Первая любовь, грусть и оставшиеся надежды.

Между тем колеса «шишиги» (так у нас почему-то зовут ГАЗ) исправно накручивают километры, звезд на небе становится больше, и Огнев включает т фары.

В их свете, по сторонам хорошо расчищенной трассы мелькают причудливые тени, перед ветровым стеклом возникает белый рой, откуда-то, с просторов Арктики, налетает снежный заряд.

Через минуту все исчезает в бешеной круговерти, мы сбавляем скорость, по стеклу со скрипом гуляют «дворники».

– Только на Севере такое, – то и дело выворачивая руль, недовольно бубнит Огнев. – Все наоборот. Кому расскажешь, не поверят.

Александрына, цяпер прыйшла зіма.
Александрына, шукаю я – няма..
Александрына, і з песьняй ты цвіла.
Александрына, якою ты была?

выдает приемник последний куплет, после чего следует завершающая импровизация. И, как по волшебству, за окном все прекращается.

Ветер с воем улетает в просторы тундр, метельный рой исчезает, фиолетовое небо становится выше.

Минут через десять грузовик подкатывает к нужной нам, заснеженной развилке.

Следующая от нее влево, дорога ведет в сторону Полярного и дальше в Североморск, вправо – к затерянной в сопках погранзаставе, а та, что перед нами, во Вьюжный.

Там расположен небольшой судоремонтный завод «Нерпа», гарнизон военных строителей и еще какие-то, неизвестные мне объекты.

Искрящиеся огни поселка возникают километров через десять, за очередным, опушенным редким ельником поворотом.

Ухабистая дорога за ним, тянется вдоль гладкой заснеженной поверхности, а далекие, желтеющие окнами пятиэтажки, расположены на противоположной стороне.

– Тут объезжать еще километра три, – оборачивается ко мне активно работающий рулем Огнев. – Может рванем напрямик, через озеро?

Грузовик с воем преодолевает очередную рытвину, нас бросает из стороны в сторону, и я ору моряку, – стой!

Рев двигателя тут же затихает, в ушах звенит приятная тишина, и слышно как что-то потрескивает под капотом.

Открыв дверцы, мы выбираемся из кабины, разминаем затекшие ноги и топаем к кромке берега.

– Во, – отгребя сапогом слой снега, стучит кованым каблуком в лед Огнев. – Хорошо промерзло, можно ехать.

Я делаю то же самое и соглашаюсь.

Неделю назад была оттепель, а потом грянули морозы.

– Давай, – соглашаюсь я, и мы направляемся обратно.

Через минуту ГАЗ трогает с места, потрескивая береговой кромкой выбирается на лед, и мы катим по белому полю в сторону огней.

– Ну вот, – довольно шмыгает носом Огнев. – А там бы всю душу вытрясло.

Когда до противоположного берега остается половина, мы видим на нем несколько автомобилей и какие-то мечущиеся тени.

– Что за черт? – переглядываюсь я с водителем и верчу рукоятку опускания стекла.

– ...ад! – неясно доносится оттуда. – ...ад, мать..ашу!!

– Назад поздно, – косится на меня матрос, и я киваю, – прибавь газу.

Вот, наконец, и пологий берег.

А в следующую минуту впереди возникает змеящаяся трещина, потов вторая, и они начинают набухать водой.

– Черт, – шипит Огнев, и его лицо бледнеет.

Трещины между тем становятся ветвистее, и зад машины проседает.

– Врубай передний мост! – бледнея подсигиваю я на сидении, – быстро!

Вслед за этим слышен скрежет передачи, «шишига», круша ледяной припай, с воем вползает на берег и останавливается.

– Мать вашу! – возникает в свете фар автоинспектор в белом полушубке, и выдает все, что о нас думает. Здесь же, рядом, на нас с интересом взирает морской патруль и несколько зевак, после чего его старший – мичман, требует предъявить документы.

Когда выясняется, кто мы и откуда, милицейский капитан добреет, сообщает, что он занаряжен для нашей встречи на КПП* и предлагает сопроводить к полковнику.

– Мероприятие уже началось, – доверительно сообщает он. – Прошу в мою машину, – и делает знак рукавицей в сторону гаишного УАЗа.

– Давай за нами, – оборачиваюсь я к старшему матросу и усаживаюсь на переднее сидение.

– Повезло вам, – говорит капитан, когда машины выруливают на заснеженный асфальт и следуют вдоль длинной череды освещенных фонарей пятиэтажек. Здесь прошлой зимой военторговская машина тоже чуть срезала дорогу. Кладовщика и шофера вытащили, а грузовик того, булькнул.

– Знать судьба, – отвечаю я и закуриваю. Информация не из приятных.

Минут через пять, свернув на какую-то улицу, мы останавливаемся перед освещенными окнами типового кафе, в военных городках они почему-то все похожи, после чего инспектор уезжает, а я, получив от Огнева коробку, направляюсь к двери под вывеской.

Внутри небольшой холл, со скучающей гардеробщицей и мерцание экрана портативного телевизора.

– Вы из приглашенных? – оживляется бабуля, я молча киваю, передаю ей шинель с шапкой, и, мельком взглянув в зеркало, направляюсь в сторону банкетного зала.

Там сияние люстр, приглушенный шум голосов и звяк посуды

– А вот еще один опоздавший! – кричит кто-то из гостей, и ко мне поворачивается десяток голов. За расставленными буквой «П» столами сидят человек двадцать, женщин и мужчин, отдавая дань кушаньям и напиткам.

Отыскав глазами виновника торжества, он восседает в центре, я подхожу к нему, представляюсь и вручаю коробку.

– Спасибо, – довольно сопит полковник, жмет мне руку и передает коробку, возникшему рядом майору.

Потом, невзирая на желание следовать обратно, он усаживает меня рядом и наливается «штрафная».

Делать нечего, встаю, провозглашаю короткий тост и выпеживаю стакан водки.

– Мовет флот, мовет, – шелестит среди гостей, и я наваливаюсь на закуску.

Утолив первый голод, вспоминаю про Огнева.

Товарищ, полковник, – наклоняюсь к Колоскову. – У меня в машине матрос, – и тот понимающе кивает.

По его знаку к нам подходит все тот же майор, теперь я знаю, что это замполит и получает ценные указания.

Спустя час, распрощавшись с радушными хозяевами, я покидаю набирающее обороты застолье, и наш заиндевелый ГАЗон направляется к выезду из поселка.

Огнев весьма доволен, его от пуза накормили, да еще вручили объемный пакет в дорогу.

– Давно так не шамал, – икает он. – Хорошо, однако, служить в милиции.

Потом мы минуем выездное КПП, со стоящим у него знакомым УАЗом, и объезжаем по ухабистой дороге коварное озеро.

На нем наш старый след, четко пропечатанный рубчатыми колесами, и мы молча переглядываемся. Хорошо все, что хорошо кончается.

А погода между тем явно изменилась.

Мороз упал, небо стало выше и светлее, к утру не иначе будет оттепель.

Я снова включаю «Селгу», оттуда тихо льется музыка, навеяв лирические настроения.

Когда мы подъезжаем к развилке, то видим пританцовывающую там, группу. Двое военных в шинелях, и гражданские женщина и мужчина, с ребенком на руках.

– Тормози, – видя как они «голосуют», особождаясь я от полудремы, и грузовик плавно плавно останавливается.

В следующее мгновение слышен быстрый хруп снега, и я открываю дверцу кабины.

– Не в Гаджиево? – возникают внизу два побелевших от холода лица.

– Точно так, – чуть улыбаюсь я, – садитесь.

– Грузимся ребята! – оборачивается старший, с погонами капитана 3 ранга.

Мы с Огневым выбираемся наружу, он гремит запорами кузова и откидывает заднюю стенку.

Женщину, с укутанным до глаз пацаненком, мы помещаем в теплую кабину, а все остальные, прихватив вещи, лезут в кузов.

Там, у противоположного борта, мы вооружаем откидную скамейку, тесно усаживаемся в ряд и я стучу рукой по кабине, – поехали!

«Шишига», урча, набирает ход, стенки кузова чуть подрагивают.

– Будешь? – отвинтив крышку, протягивает мне капитан 3 ранга мельхиоровую шильницу.

– Нет, – отвечаю, – спасибо. Я уже принял.

– Ясно, – делает тот глоток и передает флягу спутникам.

В светлом проеме роятся снежинки, вдаль убегает лента дороги, на душе легко и благостно.

Вечерний звон

Восемь утра. На корабле подняты военно-морской флаг и гюйс. Идет очередной проворот оружия и механизмов.

Старшина команды Олег Ксенженко восседает за пультом и, уставившись в экран, «прогоняет» автоматическую систему торпедной стрельбы, мы с Саней Порубовым расхаживаем приборы управления на своих аппаратах, на нижней палубе трюмный Леха Губанов, возится в выгородке компрессора.

– Тэ-экс, – звякает перед краснозвездными крышками вертикальный трап, и в люке появляется стриженная голова с коротким чубчиком.

– Ну что, орлы, готовы к боевым подвигам? – ступает на пружинящую пайолу ногой, командир боевой части капитан-лейтенант Мыльников.

– Каким еще таким подвигам? – недовольно гудит Олег и исподлобья на него косится.

– После проворота будем драить обтюрирующие кольца и направляющие дорожки в аппаратах, – довольно каркает «бычок»* и наслаждается произведенным впечатлением.

Драить аппараты нам не улыбается и настроение падает.

– А может того, не надо? – вытирая руки ветошью, высовывается со своего борта Саня. – Какого хрена им сделается?

– И это говорит советский мичман? – делает страшные глаза капитан-лейтенант, плюхаясь в свое кресло. – Тихий ужас!

Драить аппараты действительно надо, и мы это знаем. За истекшие полгода лодка не раз выходила на стрельбы, и мы даже умудрились утопить экспериментальную торпеду. Впрочем, не по нашей вине и без вытекающих последствий.

Теперь корабль сдает курсовые задачи*, на днях ожидается погрузка в отсек боезапаса, и все должно быть в ажуре.

Спустя час, проворот оружия завершается проверкой прочного корпуса на герметичность*, далее следует команда «начать занятия и работы», после чего мы приступаем к действию.

Для начала из раскрепленных в отсеке ящиков с ЗИПом* поочередно извлекаются пневмомашинка, чистящие щетки и воздушный шланг, потом все это собирается и подключается к системе воздуха среднего давления, и Олег проверяет работу агрегата.

Он верещит как резаный поросенок, и «бычок» морщится, словно от зубной боли.

Но ему то что, лезть в аппараты нам с Порубовым, мне в четвертый и шестой, левого борта, а Сане в третий и пятый правого, согласно заведованию.

Олег, как старшина команды, должен руководить, а Сергей Ильич выдавать ценные указания и при необходимости ругаться матом, так заведено на флоте.

Затем я достаю из шхеры* старое РБ* и напяливаю его поверх нового, Олег давит одну из кнопок на пульте, после чего раздается шипенье гидравлики и открывается крышка третьего аппарата, а Саня приносит свернутый в бухту пеньковый шкерт* и вооружает на нем скользящую петлю.

Далее я сую в нее ногу, Олег приседает и заталкивает в красный зев аппарата пневмомашинку со змеящимся за ней шлангом и сует мне в руку выщелкнутый из переборки аварийный фонарь.

– Ну как, готов? – вопрошает из своего кресла Сергей Ильич и выдает краткую инструкцию.

Согласно ей, я должен влезть в трубу и продраить идущие по всей ее длине четыре бронзовых направляющих, а также два обтюрирующих кольца, обеспечивающих выстреливание торпеды сжатым воздухом и при этом не задохнуться.

Если станет хреново, выключаю машинку и ори, – в заключение изрекает Сергей Ильич. – Мы тебя быстренько выдернем. Усек?

– Ага, – киваю я и обреченно вздыхаю.

Калибр аппарата 53 сантиметра, длина трубы восемь метров, и доброе напутствие не радует.

В свое время, все мы бывали в торпедном аппарате в легководолазном снаряжении, отрабатывая на учебных циклах выход из затонувшей подводной лодки, и никто восторга не испытывал. Дело тягостное и не для слаонервных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.